

ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ

Периодическое издание

Выпуск № 10

2021 год

ISSN 2587-6023

ГОУ ВПО «Донбасская
аграрная академия»

МАКЕЕВКА

2021 год

ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия» приглашает к сотрудничеству студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, а также других лиц, занимающихся научными исследованиями, опубликовать рукописи в электронном журнале «Правовая позиция».

Основное заглавие: **Правовая позиция**

Место издания: **г. Макеевка, Донецкая Народная Республика**

Параллельное заглавие: **Legal position**

Формат издания: **электронный журнал в формате pdf**

Языки издания: **русский, украинский, английский**

Периодичность выхода: **1 раз в месяц**

Учредитель периодического издания: **ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»**

ISSN: 2587-6023

Редакционная коллегия издания:

1. Сынова Елена Михайловна – доктор юридических наук, профессор, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
2. Моисеев Александр Михайлович – доктор юридических наук, профессор, ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».
3. Лукина Ирина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
4. Кинаш Ярослав Иванович – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
5. Горбатый Роман Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
6. Терзи Елена Станиславовна – кандидат исторических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
7. Рыжкова Елизавета Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
8. Губарь Ольга Михайловна – кандидат философских наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
9. Герасименко Ирина Николаевна – кандидат экономических наук, доцент ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
10. Смирнов Андрей Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе ДНР»
11. Завгородняя Анастасия Александровна – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия»
12. Пефтиев Олег Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Университет экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского»
13. Балко Елена Васильевна – кандидат экономических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
14. Мурашев Александр Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, ВНИИ МВД России (г. Москва).
15. Сирик Марина Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», филиал в г. Тихорецке.
16. Шошин Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».
17. Вестов Федор Александрович – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

Выходные данные выпуска:

Правовая позиция. – 2021. – № 10 (22).

ISSN 2587-6023

**ОГЛАВЛЕНИЕ ВЫПУСКА
МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО
ЖУРНАЛА «ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ»**

**Раздел «Гражданское право, предпринимательское право,
семейное право, международное частное право»**

Стр. 5 Головки Н.Е.

Правовое регулирование сделок с биржевыми товарами и ценными бумагами хозяйственных обществ, заключаемых инвесторами дистанционным способом в сети Интернет

Стр. 9 Карагичева С.А.

Перспективы использования смарт-контрактов в современном торговом обороте

Стр. 13 Карагичева С.А.

Различительная способность товарных знаков по законодательству Европейского Союза

Стр. 17 Ким И.Э.

Договор синдицированного кредитования в российском праве

Стр. 21 Ким И.Э.

Юридическое значение переговоров о заключении договора для наступления гражданско-правовой ответственности

Стр. 25 Лукина И.М.

Институт охраны личной жизни человека в современном гражданском праве

Стр. 32 Похилько Е.Д.

Исковая давность в международном правосудии

Раздел «Международное право, Европейское право»

Стр. 41 Голомах Р.В.

Рассмотрение порядка обращения граждан в Европейский суд по правам человека

Стр. 45 Еськова В.А.

Глобальные общественные блага: проблемные аспекты в экономике и международном праве

УДК 347

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СДЕЛОК С БИРЖЕВЫМИ
ТОВАРАМИ И ЦЕННЫМИ БУМАГАМИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ
ОБЩЕСТВ, ЗАКЛЮЧАЕМЫХ ИНВЕСТОРАМИ
ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ
В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

*Головко Никита Евгеньевич,
Волгоградский государственный
университет, г. Волгоград,*

E-mail: g.n.ev@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается правового обеспечения сделок заключаемых электронным способом, сущность указанных сделок, порядок осуществления, ответственность сторон.*

***Ключевые слова:** гражданское право, инвестирование, правовое обеспечение, ценные бумаги, электронная сделка.*

**LEGAL REGULATION OF TRANSACTIONS WITH EXCHANGE-TRADED
GOODS AND SECURITIES OF ECONOMIC COMPANIES CONCLUDED
BY INVESTORS REMOTELY ON THE INTERNET**

*Golovko Nikita Evgenievich,
Volgograd State University,
Volgograd*

E-mail: g.n.ev@mail.ru

***Abstract.** The article considers the legal support of transactions concluded electronically, the essence of these transactions, the procedure for implementation, the responsibility of the parties.*

***Key words:** civil law, investment, legal support, securities, electronic transaction.*

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем, что в последнее время наблюдается интенсивное развитие сделок заключаемых электронным способом. Сформировалась информационная электронная среда, в которой возможно совершать электронные сделки, оставаясь в рамках правового поля. Сегодня «Electronic transaction» – это развивающийся элемент деятельности многих предприятий, которые занимаются биржевыми и инвестиционными сделками. Можно выделить развитие мобильного сегмента направления договорных отношений. Отношения, которые имеют место между субъектами «Electronic transaction», регулируются законодательством.

Субъекты «Electronic transaction», совершая определенную сделку, продвигая свой продукт (ценные бумаги) и т.д. своими действиями выражают свою волю, подтверждая ее соответствующим волеизъявлением. В случае если электронная сделка совершена с пороком воли (существенное заблуждение, обман, насилие, угроза), ее можно признать недействительной, используя п. 2 гл. 9 Гражданского кодекса РФ [1].

Следует отметить, наличие субъективных прав и обязанностей, которые участвующие стороны корреспондируют друг другу. Например, заключая определенную сделку, у управомоченного лица есть права требования, а у обязанной стороны, соответственно, обязательства. Правоотношения участвующих в сделке сторон охраняются государством.

При определении объектов отношений «Electronic transaction» следует применить подраздел 3 ГК РФ «Объекты гражданских прав», так как ГК РФ является основным источником регулирования сделок в Российской Федерации [1].

Объектом «Electronic transaction» является не только информация, но и ценные бумаги. Наряду с этим проводимая сделка включает в себя кроме договора купли – продаже так же и иные виды хозяйственных договоров.

Субъектами «Electronic transaction» являются юридические и физические лица, которые имеют доступ к сети Интернет [4].

Любая сделка закрепляет за сторонами права и обязанности, независимо от ее формы. Следовательно, отношения применяемые «Electronic transaction» и могут быть правоотношениями. Те из них, которые не обладают вышеперечисленными признаками – иные общественные отношения.

В доктрине гражданского права отмечается зарождение smart-contracts. «Умные» контракты – это договоры, существующие в электронной форме в качестве программного кода, обеспечивают самоисполнимость и автономность при наступлении заранее оговоренных условий. Реализуются в базе данных Blockchain. Например, два участника платформы Blockchain заключили такой договор [5]. Условия: когда информация, помеченная кодом N, направленная стороне А, поступит в определенное в договоре место, сторона Б оплатит поставку. Самоисполнимость и автономность заключаются в том, что, когда система стороны Б получит данные о поступлении информации, согласно коду со стороны Б спишется определенное в договоре количество денежных средств (криптовалюты Bitcoin), без дополнительного согласования. То есть заключив такой договор, на него впоследствии невозможно повлиять, так как доставка и оплата производится системой на основе первоначального программного кода – условия контракта. Вместе с тем, в таком договоре есть воля, облеченная в волеизъявление. Воля участника выражена в сформированном программном коде. Иначе говоря, если бы сторона А не желала вступить в договорные отношения со стороной Б на определенных условиях, его никто не мог бы понудить к этому.

Примером «Electronic transaction» могут служить заключенный договор купли-продажи, возмездного оказания услуг, аренды, иной, посредством использования электронной почты, иной электронной связи. Принцип свободы договора, в данном случае проявляющийся в свободе контрагентов заключить

договор в электронной форме, может быть ограничен законом. Например, для некоторых договорных конструкций Гражданский кодекс РФ устанавливает необходимость соблюдения формы, в противном случае такой договор будет недействительным (статьи 550, 560, 574, 584, 609 и другие) [1].

Что касается односторонних сделок, то некоторые из них также могут быть электронным документом. К примеру, оферта на заключение договора, исполнение обязательства, отказ от права. Так, если юридически значимое сообщение является сделкой, то оно обладает всеми признаками сделки: правомерное действие, направленное на правовой результат; волевой акт, содержащий в себе волю, выраженную в волеизъявлении.

Помимо реализации различных видов товаров (ценных бумаг), данный сектор электронной торговли разрабатывает и эксплуатирует особые системы электронного сбора и передачи данных, гарантирующих интеграцию торговых партнеров. В рамках модели «Business-to-Business» осуществляется автоматизированное взаимодействие бизнес-процессов контрагентов, использующих сеть Интернет в ходе своей деятельности. На основе данной системы развиваются и функционируют следующие направления ведения электронного бизнеса: электронные биржи, проведение переговоров и заключение контрактов в электронной форме, создание электронных торговых площадок.

Business-to-Consumer (B2C) – бизнес – потребителю. Данная система получила большое развитие в современном мире, так как основывается на продаже товаров и услуг напрямую потребителю. Она реализуется при организации электронной торговли в Интернет-площадках, где представлены следующие виды документированной информации: публичная оферта на дистанционную продажу – разновидность договора, адресованного всем потенциальным покупателям. В документе обязательно указывается какое действие покупателя считается принятием оферты: это может быть регистрация на сайте, оформление заказа и др.

Оферта содержит существенные условия договора: определение сторон договора, предмет договора, условия покупки и доставки, права и обязанности сторон [2]; политика конфиденциальности – это документ, который раскрывает цели сбора, обработки, хранения и порядок уничтожения персональных данных, правовое обоснование их обработки и ее условия. В документе отражены права субъектов данных, а также содержатся сведения о том, какие действия для защиты данных клиентов предпринимает оператор.

Пользовательское соглашение – это своего рода договор между пользователем сайта и его правообладателем, который содержит условия пользования сайтом, права и обязанности сторон. Его наличие позволяет осуществлять обработку данных до получения согласия пользователя и избежать нарушений закона «О персональных данных». Он также может быть частью публичной оферты. Существует практика, когда публичная оферта разделяется на три документа, это, соответственно, оферта на дистанционную продажу товаров, политика конфиденциальности и пользовательское соглашение [3]; описание товара чаще всего является сочетанием текста и фотографии.

Предложение и согласие заключить договор также могут быть отправлены и получены в виде электронных документов.

Список использованной литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020); (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020); (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019); (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.01.2021) // Некоммерческие интернет-версии системы КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_902715](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_902715) (дата обращения: 21.07.2021)
2. Федеральный закон от 02.08.2019 N 259-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 21.03.2021).
3. Крысанова Н.В. Электронные сделки в гражданском праве / Н.В. Крысанова // Государство и право в новой информационной реальности. – 2018. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-sdelki-v-grazhdanskom-prave> (дата обращения: 31.08.2021)
4. Гончарова А.В. Сравнительный анализ объектов гражданских прав и объектов гражданских правоотношений / А.В. Гончарова // Правовая парадигма. Юриспруденция. – 2016. – Т. 15. – № 4 (33) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/> (дата обращения: 04.08.2021)
5. Осипов А.А., Щербачёва Л.В. Некоторые теоретические и практические вопросы правового регулирования сделок в сети Интернет / А.А. Осипов, Л.В. Щербачева // StudNet. – 2020. – № 8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-teoreticheskie-i-prakticheskie-voprosy-pravovogo-regulirovaniya-sdelok-v-seti-internet> (дата обращения: 31.08.2021)

УДК 347.44

**ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТОВ
В СОВРЕМЕННОМ ТОРГОВОМ ОБОРОТЕ**

*Карагичева Софья Александровна,
Волгоградский государственный
университет, г. Волгоград*

E-mail: SophiaKaragicheva@yandex.ru

Аннотация. Роль цифровых технологий возрастает во всех сферах общественной жизни, и право не является исключением. Одной из этих технологий являются смарт-контракты. В статье исследуются ключевые признаки и преимущества смарт-контрактов с целью выработать рекомендации по совершенствованию их правового регулирования. В ходе исследования использовались общенаучный диалектический метод познания, формально-юридический метод, совокупность логических методов. В результате автором предложены некоторые поправки в ГК РФ, направленные на легализацию смарт-контрактов.

Abstract. The role of digital technologies is increasing in all spheres of public life, and law is no exception. One of these technologies is smart contracts. The article examines the key features and advantages of smart contracts in order to develop recommendations for improving their legal regulation. In the course of the study, the general scientific dialectical method of cognition, the formal legal method, and a set of logical methods were used. As a result, the author proposed some amendments to the Civil Code of the Russian Federation aimed at legalizing smart contracts.

Ключевые слова: смарт-контракт, технология блокчейна, цифровизация, цифровые технологии, электронная форма.

Key words: smart contract, blockchain technologies, digitalization, digital technology, electronic form.

В настоящее время высокой актуальностью пользуется электронная форма договора. Сегодня субъекты правоотношений могут, находясь в разных городах или странах, провести переговоры онлайн, согласовать все необходимые условия договора и оформить его посредством сети Интернет. О необходимости правового обеспечения современной цифровой экономики говорят многие исследователи [1, с. 49].

Договоры, в основе которых лежит цифровой код, получили наименование «смарт-контрактов» (или «умных» контрактов). Считается, что первым данный термин применил Н. Сабо в 1994 году. Под смарт-контрактом указанный исследователь предложил считать компьютеризированный транзакционный протокол, благодаря которому происходит исполнение договора [3, с. 25]. Наиболее доступный пример самоисполняющегося контракта – это автомат по

продаже банок с газированными напитками. Условием продажи считается внесение покупателем необходимой суммы, после чего автомат выдаст товар.

Как отмечает О.П. Казаченок, в условиях цифровизации экономики особенную актуальность приобретает кибербезопасность ее участников [4, с. 50]. Смарт-контракт полностью соответствует этим требованиям. С технической точки зрения в смарт-контрактах используется технология блокчейн (распределенного реестра). Основной принцип технологии блокчейн состоит в создании платежной системы, в которой сделки между участниками осуществляются напрямую, а банки и государственные органы не могут отменить или приостановить исполнение сделки [2, с. 122].

Благодаря смарт-контракту среди участников возникает четкое понимание условий, позиций и договоренностей обеих сторон. Смарт-контракт минимизирует негативное влияние человеческого фактора на исполнение контракта, а значит, снижает вероятность ошибок.

Смарт-контракты призваны автоматизировать правоотношения. После своего заключения смарт-контракт уже не требует участия сторон или иной третьей стороны. Процесс исполнения происходит автоматически. Алгоритм контракта сам определяет стадии исполнения и последовательность операций, которые необходимо совершить в результате наступления очередного этапа исполнения. Каждый этап исполнения фиксируется в распределенном реестре. Можно сказать, что исполнение договора берет на себя алгоритм – программный код контракта.

Именно поэтому изменение обстоятельств, изменение поведения сторон или воли сторон не могут повлиять на сам контракт (если только эти условия не были прописаны в тексте контракта). Происходит принципиальная трансформация концепции заключения соглашений. Договоры заключаются не на основании доверия сторон друг другу или возможности апелляции к третьей стороне в случае неисполнения стороной своих обязательств, а на основании доверия протоколу системы технологии распределенного реестра. Становится абсолютно безразлично, кто является контрагентом, так как условия смарт-контракта гарантируют исполнимость обязательств (либо применение санкций в соответствии с условиями).

Существенным плюсом применения смарт-контрактов служит экономия на транзакционных издержках. В этом немаловажное отличие от традиционных договоров. Такая характеристика как самоисполняемость позволяет сэкономить на получении банковских гарантий, страховании ответственности, предоставлении обеспечения исполнения обязательств, претензионных и судебных расходах, правовом сопровождении сделок, денежных переводах и иных посредниках между контрагентами. Считается, что подобные расходы несет только одна сторона, поэтому для второй стороны договора они не играют существенной роли. Но любая экономическая деятельность имеет цель извлечения прибыли. Следовательно, на какую сумму произойдет удорожание себестоимости, примерно на такую же сумму и произойдет удорожание цены контракта. В связи с этим конечная сумма договоров может существенно

снизиться, что высвободит дополнительные ресурсы для развития контрагентов, а в сфере обеспечения публичных нужд позволит сэкономить бюджетные средства.

Возможность интеграции смарт-контрактов в хозяйственный оборот РФ зависит от ответа на вопрос: является ли смарт-контракт договором с гражданско-правовой точки зрения? Согласно п. 1 ст. 420 ГК РФ договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Представляется, что смарт-контракты вполне соответствуют определению законодателя по следующим критериям:

1) посредством как классических гражданско-правовых договоров, так и смарт-контрактов происходит перемещение ценностей;

2) для участия в смарт-контракте стороны должны выразить свою волю на согласие. Это происходит в соответствии с установленной процедурой. Поскольку речь идет о блокчейне, то условия смарт-контракта вносятся в публичный доступ и могут быть доступны любому потенциальному участнику. Значит, при заключении смарт-контракта идет речь о присоединении к его условиям, по своей воле и в своих интересах, посредством установленных системой действий, понимаемых как согласие на заключение смарт-контракта. Как правило, участникам для этого приходится подписывать смарт-контракт своими электронными подписями;

3) соглашаясь на условия смарт-контракта, стороны становятся связанными условиями такого договора. Программный код смарт-контракта не может подвергнуться изменениям с момента его заключения. Значит, исполнение условий сторонами будет контролироваться смарт-контрактом в автоматическом режиме, и к неисполнению какой-либо стороной будут применяться запрограммированные и утвержденные санкции;

4) заключенное с помощью компьютера или в автоматическом режиме на основе алгоритмов соглашение может квалифицироваться в качестве договора в гражданско-правовом смысле. Способ заключения не влияет на выражение воли, действия сторон в своих интересах, желание установления, изменения или прекращения гражданских прав.

В рамках конструкции смарт-контракта можно создать практически любой вид договора. Разница лишь в том, что вместо юридического текста будет применяться программный код. Впрочем, стороны вправе задокументировать согласованные условия.

Рассмотренные преимущества позволяют положительно оценить перспективы внедрения смарт-контрактов в современный торговый оборот. Необходимо лишь урегулировать порядок их использования. По примеру рамочного или публичного договора смарт-контракт можно считать специальной договорной конструкцией – следовательно, главу 27 ГК РФ целесообразно дополнить специальной статьей, содержащей определение смарт-контракта и основные условия его применения. Технические аспекты смарт-контрактов следует регламентировать в подзаконных актах.

Список использованной литературы:

1. Гончаров А.И., Иншакова А.О. Императивы финансовой политики в условиях цифровизации российской экономики // Банковское право. – 2018. – № 2. – С. 49-56.
2. Есипов А.В. Блокчейн, криптовалюты и возможные направления развития банковских технологий // Ученые записки Международного банковского института. – 2018. – № 1 (23). – С. 120-126.
3. Зайнутдинова Е.В. Смарт-контракт: возникновение и развитие в гражданском праве // Предпринимательское право. – 2020. – № 3. – С. 25-32.
4. Казаченок О.П. Социальная инженерия vs кибербезопасность в банковской сфере // Банковское право. – 2021. – № 2. – С. 50-56.

УДК 347.772

**РАЗЛИЧИТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА**

*Карагичева Софья Александровна,
Волгоградский государственный
университет, г. Волгоград*

E-mail: SophiaKaragicheva@yandex.ru

Аннотация. Товарные знаки выделяются особой востребованностью среди других объектов интеллектуальной собственности, поскольку не только защищают, но и рекламируют продукцию правообладателя. В статье исследуется различительная способность как ключевой признак товарных знаков по законодательству Европейского союза. В ходе исследования использовались диалектический метод познания, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Выводы автора основаны на проведенном анализе практики европейским судов.

Abstract. Trademarks are particularly in demand among other intellectual property objects, since they not only protect, but also advertise the products of the copyright holder. The article examines the distinctiveness as a key feature of trademarks under the legislation of the European Union. In the course of the study, the dialectical method of cognition, formal legal and comparative legal methods were used. The author's conclusions are based on the analysis of the practice of European courts.

Ключевые слова: товарный знак, средство индивидуализации, правовая охрана, правообладатель, различительная способность.

Key words: trademark, means of individualization, legal protection, copyright holder, distinctiveness.

В настоящее время многие производители стремятся выделить свою продукцию с помощью различных средств индивидуализации, среди которых важное место занимают товарные знаки. Они выполняют не только отличительную, но и защитную функцию: как обоснованно отмечает А.О. Иншакова, «товарный знак не может быть использован без согласия зарегистрированного обладателя товарного знака» [1, с. 26]. Государства обеспечивают интересы правообладателей, предоставляя правовую охрану зарегистрированным товарным знакам – в том числе на уровне региональных объединений. Так, на всей территории Европейского Союза (далее также ЕС) действует система товарных знаков ЕС, освобождающая от необходимости подавать самостоятельные заявки на регистрацию товарных знаков в каждом из государств-членов. Это особенно важно в условиях набирающего обороты процесса экономико-правовой глобализации, о котором пишет, например, О.П. Казаченок [2, с. 70].

Как известно, одним из основных признаков товарного знака является его различительная способность. Статья 1483 ГК РФ устанавливает запрет на регистрацию в качестве товарных знаков обозначений, не обладающих различительной способностью. Аналогичное правовое регулирование предусмотрено и в ЕС.

В статье 4 Регламента № 2017/1001 «О товарном знаке Европейского Союза» (принят 14.06.2017) говорится, что обозначение может быть зарегистрировано в качестве товарного знака ЕС, если оно соответствует двум условиям:

- 1) позволяет отличать товары или услуги одного предприятия от других;
- 2) может выражаться способом, который позволяет уполномоченным органам и заинтересованным лицам точно определить предмет защиты товарного знака.

Статья 4 Регламента № 2017/1001 в качестве вариантов обозначений, которые могут регистрироваться в качестве товарных знаков, называет личные имена, изображения, буквы, цифры, формы или упаковки товаров, а также цвета и звуки. Главное условие: указанные обозначения должны обладать различительной способностью, т.е. восприниматься в глазах окружающих как отличительный признак определенного товара или услуги. В этой связи, например, нельзя чрезмерно ограничивать доступность цветов или иллюстраций распространенных товаров для других производителей

Европейский суд неоднократно обращался к данному критерию в делах, связанных с разными видами товарных знаков. Так, в деле № C-64/02 Р суд отметил, что важным критерием для установления различительной способности обозначения является круг среднестатистических потребителей конкретного товара (услуги), которые при должной степени внимательности и осмотрительности идентифицируют обозначение с данным товаром (услугой) [3].

Некоторые товарные знаки могут демонстрировать более низкую или более высокую различительную способность. В этой связи Европейский суд по делу № C-265/09 Р подчеркнул, что трудности в установлении отличительности, которые могут быть связаны с определенными категориями знаков в силу самой их природы, не оправдывают установление критериев, дополняющих или изменяющих от критерий отличительности [4]. Примером таких обозначений может выступать товарный знак, представленный только буквой, или только цифрой, или только цветом. Среднестатистический потребитель не привык делать предположения о происхождении товаров только на основе их цвета или цвета их упаковки в отсутствие какого-либо графического или словесного элемента. Как правило, цвет не способен отличать товары конкретного предприятия и редко используется в коммерческой практике, но такие случаи все-таки встречаются. Например, бирюзовый цвет зарегистрирован как товарный знак компании Tiffany & Co., однако обычно он используется в сочетании с логотипом этой компании.

Кроме того, уровень восприятия потребителей будет разным в зависимости от категории предлагаемых товаров или услуг. Так, в деле № T-338/11 Европейский суд общей юрисдикции подтвердил решение Еврокомиссии по

товарным знакам, отказавшись признать различительный характер словесного обозначения «PHOTOS.COM». По мнению суда первый компонент знака (слово «фотографии») информирует потребителей о том, что товары и услуги, маркированные этим знаком, связаны с фотографией в целом. Отсюда следует, что данный элемент лишен различительной способности по отношению к другим товарам или услугам в этой сфере. По поводу элемента «.com» суд отметил, что он будет восприниматься потребителями как отсылка на интернет-сайт, поскольку представляет собой технический элемент, использование которого требуется в структуре адреса любого интернет-сайта. Кроме того, элемент «.com» указывает на то, что товары и услуги, охватываемые данным товарным знаком, могут быть получены через Интернет или просмотрены в режиме онлайн. Соответственно, рассматриваемый элемент также лишен различительного характера, иное указывало бы на монополизацию заявителем сферы торговли с использованием сети Интернет [5].

Законодательство ЕС не исключает возможность использования имен физических лиц в качестве товарных знаков. Точно так же, как и специальный термин, фамилия может выполнять отличительную функцию товарного знака, указывая на происхождение продукции.

В качестве товарного знака можно зарегистрировать и рекламный слоган или лозунг, если среднестатистический потребитель соотносит его с конкретными товарами или услугами. Слоган необязательно должен быть оригинальным – достаточно общеупотребительной фразы, если заявитель докажет, что эти слова ассоциируются в сознании потребителей с его продукцией и отличают ее от товаров или услуг других предприятий.

Товарный знак теоретически можно создать с помощью простых геометрических фигур, но лучше добавить к ним другие отличительные элементы. Например, простой пятиугольник может выполнять идентификационную функцию только в том случае, если он содержит элементы, которые служат для его отличия от других изображений пятиугольника и привлечения внимания потребителей.

То же самое касается и формы (упаковки) товара. Чем больше форма товара напоминает форму, которую обычно используют для подобной продукции, тем ниже ее различительная способность. Например, фирма-производитель конфет из Германии «August Storck KG» пыталась зарегистрировать товарный знак в виде конфеты в золотистой обертке с закрученными концами, но получила отказ, поскольку такой вариант обертки существенно не отличается от обертки для конфет, обычно используемой в хозяйственном обороте. С другой стороны, компании «Kraft Foods» удалось зарегистрировать товарный знак Toblerone для шоколадных батончиков, расфасованных в виде долек из сладких пирамидок, напоминающих гору. В этом случае необычный вид товара стал весомым доказательством различительной способности его упаковки в глазах потребителей.

Таким образом, законодательство и практика судов ЕС исходят из того, что ключевым признаком охраноспособности товарного знака является его различительная способность. Она определяется на основе восприятия среднестатистического потребителя. Оригинальность обозначения не имеет определяющего значения.

Список использованной литературы:

1. Иншакова А.О. Формы защиты интеллектуальной собственности в обновленном гражданском законодательстве РФ // Власть Закона. – 2015. – № 2. – С. 19-31.
2. Казаченок О.П. Правовые меры интеграции российских ТНК в мировую финансовую систему // Вестник ВолГУ. Серия 5. Юриспруденция. – 2015. – № 4. – С. 70-75.
3. European Court Reports, Case C-265/09 P [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ipcuria.eu/case?reference=C-265/09> (дата обращения: 29.10.2021)
4. Court of Justice of the European Union, Case T-338/11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/d9f473ed-5be9-11e2-9294-01aa75ed71a1/language-en> (дата обращения: 29.10.2021)
5. European Court Reports, Case C-64/02 P [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62002CJ0064> (дата обращения: 29.10.2021)

УДК 347

ДОГОВОР СИНДИЦИРОВАННОГО КРЕДИТОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Ким Ирина Эдуардовна,
Волгоградский государственный
университет, г. Волгоград

E-mail: ikskarr@yandex.ru

Аннотация. В работе рассматривается правовая конструкция договора синдицированного кредита. Синдицированный кредит - совместное предоставление кредита несколькими банками или корпорациями под единый проект. В Российской Федерации законодательное упорядочивание рынка синдицированных кредитов только сформировалось и судебная практика, как индикатор эффективности правового регулирования этой сферы, только нарабатывается. В работе выделены существующие пробелы в правовом регулировании рассматриваемого института и предложены пути их устранения.

Abstract. The paper deals with the legal structure of a syndicated loan agreement. Syndicated loan - joint provision of a loan by several banks or corporations for a single project. In the Russian Federation, the legislative regulation of the syndicated loan market has just emerged, and judicial practice, as an indicator of the effectiveness of legal regulation in this area, is only emerging. The paper highlights the existing gaps in the legal regulation of the institution under consideration and suggests ways to eliminate them.

Ключевые слова: банки, корпорации, консорциум, синдицированное кредитование, инвестиционная деятельность, кредитный продукт, смешанный договор, кредитный управляющий.

Key words: banks, corporations, consortium, syndicated lending, investment activity, loan product, mixed agreement, loan manager.

Развитие и усложнение предпринимательской деятельности предполагает кредитование, именно заемные средства образуют соответствующий ресурс, обеспечивающий решение сложных хозяйственных задач и реализацию крупных проектов. Каждый значительный инновационный проект не может обойтись без многомиллионных вложений, и такие объемные финансовые ресурсы получить от одной организации (юридического лица) весьма сложно. Кредитным обеспечением масштабных проектов занимается одновременно несколько кредиторов, которые связаны между собой и образуют синдикат (консорциум).

Предпринимательской деятельности в мировом масштабе институт синдицированного кредитования известен давно и на практике он востребован, обеспечивает заемщику единовременное пользование необходимым объемом финансовых средств от целого синдиката кредиторов. Возникающие при этом связи имеют сложную структуру, в любом случае образующиеся договорные связи находятся под контролем управляющего банка из числа кредиторов.

В российской экономике этот финансовый инструмент не востребован в больших объемах, причин тому несколько. У российских предпринимателей ограничен доступ к международным финансовым ресурсам и возможность воспользоваться помощью международных банков фактически отсутствует по причине введенных санкций за определенные политические решения российского руководства, а также снижением общей финансовой активности банков в условиях общемирового экономического кризиса [1, с. 173].

Отечественными синдицированными кредиторами являются банки с государственным участием «Сбербанк», «Газпромбанк», «ВТБ».

Полноценное правовое регулирование отношения, связанных с синдицированным кредитованием появилось совсем не давно, хотя ранее возникающие правоотношения регулировались на международном уровне.

Специальный федеральный закон был принят только в 2017 году [2], направлен он был на создание соответствующей нормативной базы для синдицированного кредитования в российской экономике, более того, необходимо было вывести такие договорные конструкции из под действия иностранного права, что практиковалось в условиях отсутствия соответствующих правовых регуляторов в российском праве.

Закон закрепил легальное определение синдицированного кредита, что является положительным моментом. В российской цивилистике вопрос о правовой природе данного договора вызывает дискуссии.

Очень интересно в этом смысле монографическое исследование Л.А. Попковой, которая оперирует не термином кредитный договор (договора займа), а термином «кредитный продукт». При этом такой продукт, по мнению ученого охватывает не только заемные отношения, но и отношения между кредиторами, между кредитным агентом и кредиторами, между управляющим залогом и кредиторами. Такие сложные связи в рассматриваемой договорной конструкции позволяют прийти к выводу о наличии целой системы взаимосвязанных, но разнотипных гражданско-правовых договоров, которые преследуют единую цель предоставить аккумулированные кредитные денежные средства заемщику [3].

Наличие сложной структуры рассматриваемого договорного правоотношения подтверждает обоснованность отнесения договора синдицированного кредитования к смешанному типу, при этом в нем усматриваются элементы: кредитного договора, агентского договора, межбанковского соглашения, устанавливающего порядок и объемы финансирования заемщика [4, с. 218].

Следует отметить, что в конструкции синдицированного кредита проявляется принцип свободы договора, одной из составляющих которого является возможность конструирования и заключения смешанных договоров.

Помимо смешанной природы, характерной чертой анализируемого договора является его принадлежность к предпринимательским договорам. Это усматривается из субъектного состава этой конструкции, включающей со стороны заемщика исключительно юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а со стороны кредиторов – кредитные организации, государственные корпорации, иностранные банки, финансовые организации корпорации; негосударственные фонды, российские юридические лица.

В любом случае, на практике кредитором в рассматриваемой конструкции является лицо, обладающее свободными финансовыми ресурсами, а это только крупные банковско-кредитные организации.

В установленном нормативном перечне субъектов, которые могут быть кредиторами в рассматриваемом финансовом институте присутствуют инвестиционные фонды, в том числе паевые и негосударственные пенсионные фонды. Эти юридические лица имеют особый правовой статус, включающий лицензирование деятельности и целый спектр ограничений, связанных с заемными, кредитными отношениями и сделкам репо. Характер таких ограничений позволяет сделать вывод о невозможности участия в составе синдиката инвестиционных фондов и тем более негосударственных пенсионных фондов, социально ориентированный характер деятельности которых не согласуется с коммерческой сущностью синдицированного кредитования.

Помимо неоднозначной правовой природы договора синдицированного кредита существуют конкретные пробелы в законодательстве.

Так, в случае изменения кредитного управляющего (с передачей прав и обязанностей), новый управляющий обязан известить об этом заемщика, но не установлена обязанность уведомить всех кредиторов, хотя значимость личности кредитного управляющего в рассматриваемых правоотношениях для кредиторов очевидна, так как именно он выступает от имени всех кредиторов во взаимоотношениях с заемщиком, правомочен совершать юридически значимые действия, которые непосредственно отразятся на интересах кредиторов.

Также недостаточно четко урегулирован спектр полномочий кредитного управляющего, из него выпало право обращаться в суд от имени всех кредиторов, а также представлять их интересы в ходе банкротства заемщика и т. д. Вместе с тем императивно закреплено, что кредитный управляющий действует от имени и в интересах всех участников рынка, т.е. является их представителем, но арбитражно-процессуальное законодательство четко устанавливает связь судебного представительства с наличием доверенности или другого документа. Очевидно, что оформление доверенности каждым из кредиторов нивелирует сущность установленной нормативной конструкции о том, что кредитный управляющий действует от имени и в интересах всех кредиторов на основании решения собрания кредиторов синдиката. А чтобы такое решение относительно судебного представительства было принято судом, необходимо конкретное указание на это в законе. То есть законодатель должен предусмотреть конструкцию наделения кредитного управляющего соответствующими процессуальными полномочиями в упрощенном порядке – одновременно с принятием общим собранием решения о назначении конкретного лица управляющим.

Существует проблема, возникающая из нормативных предписаний п. 3 ст. 3 ФЗ о синдицированном кредите, устанавливающем возможность включения в договор об организации синдицированного кредитования принципа эксклюзивности (принцип, весьма редко использующийся в российском договорном праве, больше ориентированном на принципы диспозитивности). На основании этого принципа устанавливается запрет заказчику параллельно участвовать в договорных отношениях с другими лицами относительно

договоров синдицированного кредитования на сходных условиях до момента заключения договора синдицированного кредита.

Проблема в том, что конкретные временные рамки действия этого принципа не установлены, что отрицательно сказывается на правах заемщика. Отсутствие временных ограничений может создать ситуацию, когда сама организация синдикации начнет искусственно затягивать договорной процесс с целью склонить заемщика принять любые предложенные ими условия так заключения договора так как он лишен права вести переговоры с другими кредиторами.

Конечно, в настоящее время по причине неразвитости института синдицированного кредитования и отсутствия множества субъектов, которые могли бы выступить кредиторами в рассматриваемых отношениях, обозначенная проблема может не возникнуть, так как у заемщика просто не будет альтернативы. Но с развитием рынка финансовых услуг, эта проблема начнет проявляться, отрицательно влияя на интересы потенциальных заемщиков.

Потенциал рынка предоставления синдицированного кредита огромен по причине востребованности масштабных бизнес-проектов, нуждающихся в крупных инвестициях. Правовое регулирование такого кредитования установилось не давно и решающее значение для оценки эффективности введения в российскую правовую систему этого финансового института необходимо аккумуляция правоприменительной практике, демонстрирующая все достоинства и недостатки синицированного кредита.

Список использованной литературы:

1. Казаченок О.П. Синдицированный кредит как структурированный кредитный продукт / О.П. Казаченок // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18. – № 3. – С. 172-175.
2. ФЗ от 21 декабря 2017 г. № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 1. – Ст. 70.
3. Попкова Л.А. Правовая конструкция синдицированного кредита. Монография. – М., Проспект, 2021. – 168 с.
4. Казаченок О.П. Правовая природа и порядок заключения синдицированного кредитного соглашения / О.П. Казаченок // Бизнес. Образование. Право. – 2017. – № 1 (38). – С. 218-220.

УДК 347

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ДЛЯ НАСТУПЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ким Ирина Эдуардовна,
Волгоградский государственный
университет, г. Волгоград

E-mail: ikskarr@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы нормы гражданского законодательства о преддоговорном процессе, выявлена его роль для заключения договора. В 2015 году в ГК РФ была введена статья 434.1, устанавливающая основы проведения предварительных переговоров и закрепляющая условия наступления гражданско-правовой ответственности на этой стадии. Проанализировано правовое содержание и выявлена гражданско-правовая специфика термина переговоры о заключении договора. Сформулированы предложения о распространении ст. 434.1 ГК РФ не только на стадию заключения договора, но и на всякий обмен юридически значимой информацией. При этом переговоры должны рассматриваться как первый этап к преддоговорной ответственности.

Abstract. The article analyzes the norms of civil legislation on the pre-contractual process, reveals its role for the conclusion of a contract. In 2015, Article 434.1 was introduced into the Civil Code of the Russian Federation, establishing the basis for conducting preliminary negotiations and securing the conditions for the onset of civil liability at this stage. The legal content is analyzed and the civil law specifics of the term negotiations on the conclusion of an agreement are revealed. Proposals have been drawn up on the dissemination of Art. 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation, not only at the stage of concluding an agreement, but also for any exchange of legally significant information. In this case, negotiations should be seen as the first stage towards pre-contractual liability.

Ключевые слова: переговоры о заключении договора, преддоговорная ответственность за недобросовестное ведение переговоров.

Key words: negotiations on the conclusion of an agreement, pre-contractual liability for unfair negotiation.

Заключение договора – ответственный этап, на котором озвучиваются позиции сторон, проходят обсуждения, разрабатывается проект договора, содержание которого устраивает всех контрагентов и собственно осуществляется подписание договора, и он обретает юридическую силу. Вместе с тем, преддоговорной процесс может затянуться во времени и стороны порой прикладывают большие усилия чтобы согласовать свои воли и все таки вступить в договорные правоотношения, причем взаимовыгодно.

В Гражданском кодексе РФ введена ст. 434.1 «Переговоры о заключении договора» которая устанавливает обязанность добросовестного ведения переговоров и санкции за неисполнение этой обязанности. То есть речь в указанной статье идет о преддоговорной ответственности, которая наступает именно за недобросовестное ведение переговоров о заключении договора (причем в статье перечислено, что собственно понимать под недобросовестным ведением переговоров).

Следует отметить, что сама идея установления преддоговорной ответственности в отечественной цивилистике разрабатывалась еще задолго до внесения соответствующих изменений в ГК РФ (Гницевич К.В., Комарицкий В.С., Полякевич В.Г. Овчинникова К.Д., Идрисов Х.В. и др.).

Более, того в этой норме отражается подход, принятый в международной практике и зафиксированный в «Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА)» еще в 1994 году. В целом отечественные цивилисты весьма положительно отзываются о нововведениях [1, с. 53].

Рассматриваемое понятие тесно связано с термином переговоры, при этом переговоры необходимо трактовать именно через гражданско-правовой аспект. Здесь следует учитывать следующие моменты. Содержание переговоров включает обмен мнениями и озвучивание позиций каждым потенциальным контрагентом, это не односторонний процесс. Цель переговоров – заключить договор, связанный с хозяйственной деятельностью, переговоры касаются общего для всех участвующих в нем субъектов предмета. Способ ведения переговоров может быть любой: устный, письменный, электронный формат, при этом последние способы наиболее предпочтительнее, так как фиксируют весь переговорный процесс и, если возникнет необходимость в судебной защите, сторона может ссылаться на задокументированные обстоятельства преддоговорного процесса.

Императивно установлено, что преддоговорная ответственность касается процедуры заключения договора, все другие взаимодействия контрагентов вне этой процедуры выпадают из правового поля рассматриваемого вида гражданско-правовой ответственности по статье 434.1 ГК РФ. Думается, законодатель совершенно необоснованно сузил сферу использования преддоговорной ответственности только до стадии заключения договора. Было бы не лишним распространить ее и на другие аспекты договорных правоотношений: когда контрагенты обсуждают иные связанные с договором обстоятельства, например, техническое задание, которое станет неотъемлемой частью будущего договора; корректировки уже заключенного договора и т.д. Динамика договорных отношений не ограничивается только стадией его заключения, при этом формальное исключение этих вопросов из числа оснований ответственности за недобросовестное ведение переговоров заслуживает критики.

Императив относительно наступления преддоговорной ответственности на стадии заключения договора логичен если рассматривать его как способ защиты в суде, и нужно доказать, что переговоры не касались заключения договора, а охватывали другие аспекты договорных правоотношений.

Думается, что договорная практика только выиграла бы, если расширить толкование заключения договора и рассматривать его как обсуждение всякого вопроса, потенциально значимого для будущего соглашения. Но термин «заключение договора» – легальный, именно так названа глава 28 ГК РФ, но с позиции цивилистики и договорной практики «заключение договора» должно толковаться именно расширенно. Законодателю стоило бы внести корректировки в ст. 434.1 ГК РФ отказаться от формулировки «заключение договора», заменив ее на «будущий договор», возможно и использование вместо слова «договор» термин «предстоящая сделка».

Переговоры о заключении договора – термин весьма неоднозначный, через призму права он тесно связан с категорией добросовестность. При этом добросовестным поведение должно быть со стороны всех потенциальных контрагентов. Право требовать добросовестных действий не наполнено конкретным содержанием до того момента, когда объективируется конкретное требование (например, предоставить информацию и т.д.).

Как видим, переговоры о заключении договора как таковые не формируют гражданского правоотношения, так как в них как право, так и корреспондирующие обязанности бессодержательны. Такое проявление добросовестности ведения переговоров как реальность намерений заключить сделку, не снимает проблему бессодержательности права требования из переговоров в целом.

Получается, что переговоры о заключении договора, не образуют юридический факт, формирующий преддоговорное правоотношение, при этом рассматриваемое явление весьма многогранное. Они могут быть фактом, порождающим правоотношение, если сторона неожиданно и безосновательно отказывается от дальнейших переговоров, при этом вторая сторона наделена правом требовать вернуться к переговорному процессу под угрозой применения гражданско-правовых санкций. Обычно переговоры формируют условия для наступления уже бесспорного юридического факта – заключение самого договора. Договорная практика показывает, что переговоры вообще могут не привести к какому-либо результату, если стороны не достигнут консенсуса, при этом никаких оснований для гражданско-правовой ответственности не появляется.

Здесь показателен следующий пример из арбитражной практики. Так, ООО обратилось в арбитражный суд с требованием о взыскании убытков, причинённым в результате недобросовестных действий АО при заключении договора. В суде было выяснено, что ООО выиграло тендер, при этом документально было установлено условие обязательного согласования с заказчиком банковской гарантии, при этом в деле имеются документы, подтверждающее, что стороны активно обсуждали все аспекты, касающиеся оформления банковской гарантии – как обязательного условия предстоящей сделки, при этом к единому мнению они так и не пришли. В итоге, условия договора в окончательной редакции сторонами согласованы не были, в установленный срок договор не подписан, ответчик отказался от заключения договора с истцом, в связи с невыполнением последним существенных условий, на которых ответчик готов был заключить договор.

Истец посчитал, что у него возникло право возместить убытки, связанные с отказом второй стороны от заключения договора. При этом суд, разрешая дело указал, что недобросовестными действиями при проведении переговоров предполагаются: 1) предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны; 2) внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать.

При этом материалами дела не подтверждено недобросовестное поведение ответчика, поэтому в исковых требованиях истцу было отказано[2].

В связи с изложенным напрашивается вывод, что переговоры могут быть юридически безразличным явлением.

Следует согласиться с мнением М.Н. Долгополова, который рассматривает переговоры как юридический факт с особым содержанием, порождающим не правоотношения, а взаимную обязанность добросовестного поведения[3,117]. При этом значение обязанности добросовестности ведения переговоров о заключении договора, не идентично традиционной общегражданской обязанности и принципа добросовестного осуществления прав. Переговорная добросовестность охватывает конкретные действия, в отличие от общегражданской добросовестности, из которой не усматриваются разграничения между добросовестными и нормальными, обычными действиями.

Список использованной литературы:

1. Казаченок О.П. Значение законодательного закрепления стадии преддоговорных переговоров в гражданском законодательстве: ретроспективный анализ / О.П. Казаченок, В.В. Витвицкая // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – С. 52-56.

2. Решение арбитражного суда Вологодской области от 31 марта 2021 г. по делу № А13-9581/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/yg5YduH5tSN1/?arbitral-txt> (дата обращения: 11.10.2021)

3. Долгополов М.Н. О понятии переговоров и преддоговорной ответственности в российском частном праве / М.Н. Долгополов // Юридические науки: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 июля 2021 года. – Пенза: Общество с ограниченной ответственностью «Наука и Просвещение», 2021. – С. 112-117.

УДК 347

**ИНСТИТУТ ОХРАНЫ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА
В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ**

Лукина Ирина Михайловна,
Донбасская аграрная
академия, г. Макеевка

E-mail: gena12366@mail.ru

Аннотация. В статье проведен научно-теоретический анализ современного состояния проблем гражданско-правовой охраны личной жизни человека. Рассмотрены доктринальные подходы к понятию термина «личная жизнь» человека. Проведен анализ гражданско-правовых норм, регулирующих отношения, связанные с личной жизнью.

Abstract. The article provides a scientific and theoretical analysis of the current state of the problems of civil protection of a person's personal life. The doctrinal approaches to the concept of the term «personal life» of a person are considered. The analysis of civil law norms regulating relations related to personal life is carried out.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни, личная и семейная жизнь, реализация личной свободы, право на личную безопасность.

Key words: the inviolability of private life, personal and family life, the realization of personal freedom, the right to personal security.

Право на жизнь является фундаментальным правом человека, существование которого обусловлено самим ее бытием. Подтверждением этого является ст. 14 Конституции ДНР, где провозглашено, что «каждый имеет право на жизнь. Достоинство личности охраняется государством». Так одним из приоритетных направлений развития отечественного законодательства сегодня является регулирование, охрана и защита права на жизнь, здоровье, свободу и личную неприкосновенность человека.

Сейчас в действующем законодательстве сформировался значительный массив норм, регламентирующих вопросы охраны личной жизни. Современное право характеризуется высокой степенью интеграции норм различных отраслей права, а это, в свою очередь, приводит к появлению в правовом поле таких явлений как комплексные правовые институты, нормы которых имеют подобный предмет правового регулирования, но разный метод, в зависимости от отраслевой принадлежности. Это дает основания некоторым авторам утверждать о наличии комплексного правового института охраны личной жизни, составленного из норм различных отраслей права [1, с. 13].

Нормы, устанавливающие правовую охрану личной жизни человека, сейчас есть в конституционном, уголовном, административном, гражданском, семейном, информационном, процессуальных и других отраслях законодательства. И для того, чтобы отличить гражданско-правовые меры

охраны личной жизни от других, установленных другими отраслями законодательства, необходимо их рассмотреть, а также определить их взаимодействие в сфере обеспечения недопустимости произвольного вмешательства в личную жизнь человека.

Основы комплексного института охраны личной жизни закладывают нормы международного и конституционного права. Основные нормы важнейших международно-правовых актов, устанавливающих основы правовой конфиденциальности актами национального законодательства нашли свое отражение в Конституции ДНР, в ст. 3 которой указывается: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность Донецкой Народной Республики, ее государственных органов и должностных лиц». Утверждая ценность личности, государство и право берут под охрану все правомерные проявления индивидуальности человека. При этом ценность личности связывается с ее личными благами, в том числе со сферой личной жизни. Конституция ДНР в соответствии со ст. ст. 14-18 наделяет физическое лицо широким спектром субъективных прав и юридических гарантий, направленных на обеспечение неприкосновенности личной и семейной жизни, жилища, тайны переписки, телефонных разговоров, телеграфной и другой корреспонденции. Также Конституция ДНР устанавливает ограничения информационной деятельности по данным о личности и другой конфиденциальной информацией о личной жизни человека (ч. 1 ст. 17). Указанные права, как и другие права и свободы человека, являются неотчуждаемыми и незыблемыми (ч. 2 ст. 12), а также в соответствии со ст. 39 защищаются судом или иными правовыми способами. В Конституции устанавливаются также определенные ограничения указанных прав, в частности, могут быть ограничены законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. (ч. 2 ст. 48).

Гражданское законодательство УССР содержало лишь незначительное количество норм, посвященных непосредственно охране личной жизни или отдельных его проявлений, однако в ГК УССР были заложены предпосылки для общего регулирования отношений, связанных с личной жизнью. Так, в ст. 1 отмечалось, что этот кодекс, в случаях, предусмотренных законом, регулирует личные неимущественные отношения, не связанные с имущественными, а по ст. 10 – граждане приобретали возможности «в соответствии с законом ... иметь иные имущественные и личные неимущественные права». В ст. 4 устанавливались основания возникновения гражданских прав и обязанностей, и, в частности, отмечалось, что они могут возникать из действий граждан и организаций, которые хотя и не предусмотрены законом, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности. В ст. 6 закреплялись меры защиты гражданских прав, пригодные для применения и в случае незаконного вмешательства в личную жизнь. К нормам, которые устанавливали предпосылки гражданско-правовой охраны личной жизни, необходимо отнести также нормы об обязательствах, возникающих вследствие причинения вреда (глава 40 ГК УССР).

Ученые в своих трудах неоднократно обращали внимание на то, что такое положение правовой охраны личной жизни не может считаться достаточным, а потому обосновывали необходимость включения в ГК специальной нормы об охране личной жизни [2, с. 6]. Однако, учитывая объемность понятие личной жизни, множество его проявлений, широту гражданско-правовых средств охраны личной жизни и специфику взаимосвязи личной жизни и гражданского права, попытка охватить все аспекты гражданско-правовой охраны личной жизни в одной статье ГК представляется нам сомнительной. Поэтому, на наш взгляд, более взвешенной является другая позиция, высказанная Л.О. Красавчиковой, которая состоит в закреплении мер гражданско-правовой охраны личной жизни в ряде норм, которые в своей совокупности составляют специальный гражданско-правовой институт охраны личной жизни [3, с. 26].

Определение отдельного института охраны личной жизни в пределах гражданского права имеет не практическое (законодательное), а прежде всего теоретическое значение, поскольку позволит лучше понять правовую природу норм, его образующих, и обеспечить правильное их применение в юридической практике.

Формально есть все необходимые предпосылки для объединения ряда гражданско-правовых норм, устанавливающих охрану личной жизни, в гражданско-правовой институт охраны личной жизни. Определение этого института в системе гражданского права позволит системно исследовать сущность тех правовых норм, которые его составляют, особенности их правового воздействия на общественные отношения, складывающиеся по поводу личной жизни, и установить возможности совершенствования гражданско-правовой охраны личной жизни.

Содержание гражданско-правового института охраны личной жизни образуют нормы гражданского законодательства, в которых закрепляются меры гражданско-правовой охраны личной жизни. Таким образом, этот институт является объективным выражением гражданско-правовой охраны личной жизни. Его основу закладывает норма-принцип недопустимости произвольного вмешательства в сферу личной, который является одним из общих принципов гражданского законодательства (ст. 1 ГК). Подобный принцип содержат почти все гражданские кодексы, которые принимались в последнее время. Так, в ст. 1 ГК РФ записано: «Гражданское право базируется на признании ... недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела ...». В ст. 3 ГК канадской провинции Квебек указывается, что каждый человек является владельцем личных прав, среди которых называется право на уважение приватности. Итак, в новейших гражданских кодексах мира не только признано право человека на личную жизнь (приватность), но и оно закрепляется в качестве основополагающего принципа гражданского законодательства, поэтому мы считаем целесообразным подробнее рассмотреть этот принцип.

Некоторые цивилисты попытались охарактеризовать принцип недопустимости произвольного вмешательства в сферу личной жизни человека. Они считают, что этот принцип «означает требование обеспечения свободы личности, которую иногда называют «суверенитетом личности», вкладывая в это понятие возможность индивида определять тип и характер поведения, свое

место в обществе в системе гражданских правоотношений и т.п. по собственному усмотрению» [4, с. 9].

Но такое понимание этого принципа не позволяет точно определить объем понятия личной жизни. Учитывая то, что современное гражданское общество формируется на основе признания автономного, суверенного статуса человека, и это находит правовое выражение путем воплощения идеи прав человека, сущность принципа недопустимости произвольного вмешательства в сферу личной жизни человека, на наш взгляд, заключается в определении связи между гражданским правом и личной жизнью, а именно: во-первых, нормы гражданского права не регулируют отношения, которые складываются в сфере личной жизни, а они регулируются самими их участниками, не нарушая интересов общества и других лиц; во-вторых, гражданское законодательство гарантирует каждому физическому лицу возможность не только иметь личную жизнь, но и свободно, без посторонних вмешательств, определять его, действовать в этой сфере и защищать ее от незаконных посягательств.

Кроме принципа недопустимости произвольного вмешательства в сферу личной жизни человека, в институт охраны личной жизни необходимо отнести нормы, закрепляющие права, направленные на охрану личной жизни. Эти права входят в большую группу гражданских прав, которые в последнее время получили в цивилистике название личных неимущественных прав.

Личные неимущественные права неоднократно становились предметом научного исследования ученых-цивилистов, большинство из которых рассматривают их совокупность как некую правовую систему. Системность личных неимущественных прав предполагает наличие в ее структуре определенных элементов и их группировок, а это требует проведения их классификации. Анализ литературы показывает, что большинство ученых-цивилистов, излагая свое видение системы личных неимущественных прав и их классификацию, чаще всего выделяют в отдельную группу права, направленные на охрану личной жизни. При этом каждый автор дает этой группе прав новое название: права «на тайну личной жизни» [5, с. 15], «на неприкосновенность личной жизни граждан» [6, с. 133], «на неприкосновенность сферы личной жизни и ее тайны» [2, с. 102], «обеспечивающие автономию личности» [7, с. 22], «направленные на неприкосновенность внутреннего мира личности и ее интересов» [4, с. 274], «институт права гражданина на неприкосновенность его личной жизни» [8, с. 271; 6, с. 105-106], «обеспечивающие конфиденциальность физического лица» [9, с. 87] и т.д.

Такая позиция ученых-цивилистов о выделении в системе личных неимущественных прав отдельной группы прав, возникающих по поводу личной жизни, является еще одним доводом в пользу выделения в системе гражданского права института охраны личной жизни. При этом возникает вопрос: какие же нормы, устанавливающие личные неимущественные права, относятся к данному гражданско-правовому институту? Отвечая на этот вопрос, следует прежде всего установить субъективные права, направленные на охрану личной жизни.

Стержнем гражданско-правового института охраны личной жизни является право человека на личную жизнь. Это право является определяющим и предполагает наличие других прав, детализирующих её содержание, и одновременно выступают её гарантиями.

Традиционно такими правами в литературе считают право на неприкосновенность жилища, право на тайну переписки, телефонных разговоров, телеграфных и иных сообщений (личного общения), право на тайну усыновления. Большинство ученых предлагают также в пределах правовой охраны личной жизни рассматривать права на тайну личной (интимной) жизни, на адвокатскую, врачебную тайны, тайну нотариальных действий, вкладов, на личные документы, изображения (неприкосновенность внешнего вида), на неприкосновенность брачного союза и его тайну, на индивидуальность и др.

Иногда к таким правам относятся несвойственные, на наш взгляд, права или наоборот, отдельные права, направленные на охрану личной жизни, относят к другим группам личных неимущественных прав. Так, М.М. Малеин относит к группе прав на неприкосновенность частной жизни право на неприкосновенность личной свободы, но право на индивидуальный вид относит к правам, которые обеспечивают индивидуализацию личности [7, с. 124-136].

Такое разнообразие научных взглядов объясняется объемностью понятий личной жизни и ее гражданско-правовой охраны, нечеткой формулировкой положений по отдельным личным неимущественным правам в действующем законодательстве и продолжающимся научным поиском в рамках проблемы личных неимущественных прав.

Гражданские права, входящих в институт охраны личной жизни, как и любые другие субъективные гражданские права, не могут быть отстранены от ограничений и нарушений, которые возможны в форме различных вмешательств в личную жизнь человека. Общество в отдельных исключительных случаях допускает постороннее вмешательство в личную жизнь своих членов против их воли, но неправомерные проникновения в сферу личной жизни осуждает и наказывает с помощью правовых мер.

Поэтому в состав гражданско-правового института охраны личной жизни необходимо отнести также нормы, в которых закрепляются меры ограничений и защиты вышеназванных прав.

Ограничение прав, направленных на охрану личной жизни, устанавливается как в гражданском, так и в других отраслях законодательства. Учитывая конституционную природу права на личную жизнь, неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции, ограничения этих прав отраслевым законодательством не могут выходить за ограничения, установленные Конституцией.

Неправомерное вмешательство в сферу личной жизни порождает у пострадавшего лица право на защиту. Это право имеет относительный характер, и ему противопоставляется обязанность лица, осуществившего такое вмешательство, восстановить прежнее положение или компенсировать потери имущественного и неимущественного характера. Защита субъективных прав, входящих в институт охраны личной жизни, может осуществляться с помощью общих способов защиты, предусмотренных главой 2 ГК, а также другими способами, предусмотренными в ГК или в нормах специальных нормативных актов [10].

Свой вклад в правовую охрану личной жизни делает и семейное право. Долгое время проблема правовой охраны личной и семейной жизни

искусственно выносилась за пределы семейного законодательства. Это было связано с непризнанием на государственно-правовом уровне ценности семьи и семейной жизни, непониманием их влияния на общественное развитие и процесс формирования отдельной личности, игнорированием того, что семейная жизнь выступает основой материальной и духовной поддержки человека, сферой воспитания детей.

Переориентация общества и государства на общечеловеческие ценности и, как следствие, выдвижение охраны семейной жизни в ранг конституционных положений обусловило необходимость ее расширенного регулирования в семейном законодательстве. Кодекс о браке и семье Украины 1969 г. не содержал норм, которые бы устанавливали и обеспечивали тайну и неприкосновенность семейной жизни, кроме обеспечения в ст. 112 тайны усыновления. Поэтому Семейный кодекс ДНР 2020г. является правовым актом, который установил отраслевые положения по охране семейной жизни, содержащиеся в ст. 7, ст. 8 и ст. 137, 141 [11].

Указанные нормы устанавливают право на уважение семейной жизни, право на неприкосновенность семейной жизни, право на тайну личной жизни участников семейных отношений, требование недопустимости произвольного вмешательства в семейную жизнь, которую следует считать принципом обновленного семейного законодательства, а также право на тайну усыновления и его гарантии. Таким образом, в настоящее время бесспорным является то, что семейная и личная жизнь является объектами семейно-правовой охраны.

Подытоживая, необходимо отметить, что действующее законодательство содержит значительное количество норм, регулирующих отношения, связанные с личной жизнью. Эти нормы содержатся в различных отраслях законодательства, но ни одна из этих отраслей не в состоянии в полном объеме самостоятельно обеспечить надлежащий уровень правовой охраны личной жизни. Полная и надлежащая охрана личной жизни возможна только путем объединения правовых мер всех отраслей права, имеют пригодные для этого правовые средства. Не отрицая важной роли других отраслей права в охране личной жизни, мы хотим подчеркнуть исключительную роль в этом норм гражданского права, образуют институт охраны личной жизни, ведь, по выражению С. С. Алексеева, «гражданские законы – это те главные факторы, с помощью которых идеалы свободы, требования демократической и правовой культуры фактически реализуются в повседневной жизни граждан и, тем самым, с юридической стороны обеспечивается реальное формирование современного свободного гражданского общества» [12, с. 107-108]. Мы разделяем такую позицию и считаем, что гражданско-правовой институт охраны личной жизни человека должен стать фундаментом признания в обществе ценности личной жизни.

Рассматривая эту проблему несколько шире, можно сказать, что воплощение требований законодательных актов в жизнь, перенос правовой материи в бытие общества по предотвращению неправомерного вмешательства в личную жизнь – это задача норм не только гражданского права, а более значительного образования правовой системы – частного права, наряду с гражданским правом включает семейное и другие отрасли права. Хотя в

современных условиях развития правовой системы правильнее было бы говорить не о частном праве как совокупности отраслей современного права, а о частноправовых мерах охраны личной жизни в различных отраслях права.

Список использованной литературы:

1. Петрухин И. Л. Личные тайны (человек и власть) / И.Л. Петрухин – М.: Ин-т гос.и права Российской Академии наук, 1998. – 232 с.
2. Устименко Н.В. Таємниці особистого життя людини та їх цивільно-правова охорона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Національна юрид. академія України ім. Я. Мудрого. / Н.В. Устименко – Х., 2001. – 20 с.
3. Красавчикова Л.О. Личная жизнь граждан под охраной закона. / Л.О. Красавчикова. – М.: Юрид. лит, 1983. – 160 с.
4. Гражданское право: учебник / Н.Д. Егоров, И.В. Елисеев, А.А. Иванов и др.; под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – Ч. 1. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 1996. – 596 с.
5. Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть) / И.Л. Петрухин. – М.: Ин-т гос.и права Российской Академии наук, 1998. – 232 с.
6. Егоров Н.Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация / Н.Д. Егоров – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 176 с.
7. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. / М.Н. Малеина – М.: МЗ Пресс, 2001. – 244 с.
8. Петрухин И.Л. Частная жизнь (правовые аспекты) / И.Л. Петрухин // Государство и право. – М.: Наука, – 1999. – № 1. – С. 64-73.
9. Лопатин В.Н. Защита права на неприкосновенность частной жизни / В.Н. Лопатин // Журнал российского права. – М.: Норма. – 1999. – № 1. – С. 85-97.
10. О средствах массовой информации: Закон Донецкой Народной Республики № 59-ІНС, принятый Постановлением Народного Совета 29 июня 2015 г. [Электронный ресурс]: – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakon_doneckoj_narodnoj_respubliki_o_sredstvah_massovoj_informacii/ (дата обращения: 28.09.2021)
11. Семейный кодекс Донецкой Народной Республики № 172-ІНС от 29 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://пра.dnronline.su/2020-07-30/semejnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki.html> (дата обращения: 28.09.2021)
12. Алексеев С.С. Философия права: История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы / С.С. Алексеев. – М.: НОРМА, 1999. – 329 с.

УДК 347.131.222

**ИСКОВАЯ ДАВНОСТЬ
В МЕЖДУНАРОДНОМ
ПРАВОСУДИИ**

Похилько Евгения Дмитриевна,
Донбасская аграрная
академия, г. Макеевка,

E-mail: pokhilko.evgenia@yandex.ru

Аннотация. В статье проведен анализ исковой давности с позиции Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и практики Европейского суда по правам человека. Определены критерии совместимости исковой давности с правом на справедливое судебное разбирательство. Выявлена связь исковой давности с другими положениями Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, такими как запрещение дискриминации, право на уважение частной и семейной жизни, право на мирное владение имуществом.

Abstract. The article analyzes the statute of limitations from the perspective of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the practice of the European Court of Human Rights. The criteria for the compatibility of the limitation period with the right to a fair trial are defined. The article reveals the connection of the statute of limitations with other provisions of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, such as the prohibition of discrimination, the right to respect for private and family life, the right to peaceful possession of property.

Ключевые слова: исковая давность, право на защиту, доступ к правосудию, судебная защита, судебная практика, справедливый суд, имущество, срок, время.

Key words: statute of limitations, right to defense, access to justice, judicial protection, judicial practice, fair trial, property, term, time.

Сроки являются одной из правовых категорий, которые часто играют основополагающую роль в гражданско-правовых отношениях, потому что время имеет существенное значение для возникновения, изменения и прекращения отношений, и для надлежащего исполнения обязательств, и для защиты прав и интересов граждан. Одним из важнейших видов сроков является исковая давность, которая предоставляет возможность эффективной защиты нарушенных прав в судебном порядке. Регулирование исковой давности подвержено существенным изменениям и требует тщательного анализа и осмысления, сопоставления с другими гражданско-правовыми институтами с целью их гармонизации.

Цель статьи заключается в определении соотносимости исковой давности с различными положениями Европейской конвенции о защите прав

человека и основных свобод путем анализа практики Европейского суда по правам человека.

Институт исковой давности является одним из классических институтов гражданского права, известный еще со времен Древнего Рима. Поэтому внимание ученых к проблематике исковой давности неизменно. Исковая давность изучалась учеными-цивиристами как в пределах более широкой тематики сроков, так и отдельно, как самостоятельный предмет исследования. В частности, исковой давности были посвящены работы известных цивилистов И.Б. Новицкого, В.П. Грибанова, М.П. Ринга, М.А. Гурвича, М.Я. Кирилловой, Е.А. Крашенинникова, И.А. Фаршатова, В.В. Лантуха, Л.Г. Востриковой, Л.А. Зеленской, К.Ю. Лебедевой. Однако специальных системных исследований исковой давности под углом зрения фундаментальных прав человека и практики Европейского суда по правам человека в отечественной цивилистике не проводилось. Это и обусловило необходимость углубления исследования правовых основ исковой давности в комплексе.

Исковая давность тесно связана с принципом правовой определенности, который, в свою очередь, является «одним из фундаментальных аспектов верховенства права» [1, с. 64]. Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) неоднократно указывал на назначение исковой давности, связывая его с необходимостью обеспечить правовую определенность. Как отмечает ЕСПЧ, сроки исковой давности «служат нескольким важным целям». Так, они обеспечивают правовую определенность и окончательность, защищают потенциальных ответчиков от застарелых требований, которым трудно было бы противостоять, а также предупреждают несправедливые ситуации, которые бы возникли, если бы суды должны были принимать решения в отношении событий, которые имели место в далеком прошлом, и на основании доказательств, которые уже могли бы стать с течением времени ненадежными и неполными [2, с. 171-176].

Таким образом, сама идея исковой давности оправдана целью внести определенность относительно имеющихся прав и обязанностей. Такая цель следует из принципа верховенства права, провозглашенного в Преамбуле Европейской конвенции о защите прав человека и основополагающих свобод (далее – ЕКПЧ), и эта цель насквозь пронизывает все статьи ЕКПЧ [3].

По определению, исковая давность – это срок для обращения за защитой в суд, поэтому закономерно, что ЕСПЧ рассматривает исковую давность, прежде всего, в контексте ст. 6 ЕКПЧ. Так, в ч. 1 ст. 6 ЕКПЧ гарантируется, что каждый имеет право на справедливое рассмотрение его дела независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, который решит спор относительно его гражданских прав и обязанностей.

Исковая давность – это барьер на пути к реализации права на справедливый суд. Исковая давность ставит право на обращение в суд в зависимость от фактора времени, то есть, иначе говоря, обуславливает это право определенному обстоятельству – обстоятельству времени. Таким образом, исковая давность, по сути, представляет собой ограничение права на судебное разбирательство, а точнее – ограничение права на доступ к правосудию. Однако ограничение, устанавливаемое исковой давностью, как таковое не является во

всех случаях нарушением фундаментальных прав человека, провозглашенных в ЕКПЧ. Как отметил ЕСПЧ в деле «Финикариду против Кипра», «существование исковой давности не является несовместимым с ЕКПЧ» [4].

Так, лицо, подавшее иск пропустило срок для подачи заявления в суд по семейным делам об установлении отцовства для детей, рожденных вне брака. Установленный трехлетний срок исковой давности с момента достижения совершеннолетия не позволил начать судебное разбирательство. По указанному делу ЕСПЧ заметил, что «наряду со взвешиванием интересов индивида против интереса общества как целого, должны также быть взвешены интересы других заинтересованных сторон. С одной стороны, человек имеет право знать свое происхождение. Лица в подобных ситуациях, имеют жизненно важный интерес, защищаемый ЕКПЧ, – получить информацию, необходимую для установления истины относительно их личностной идентичности. С другой стороны, как было указано выше, нельзя отрицать интерес того, кого считают биологическим отцом, в том, чтобы быть защищенным от открытых производств. Ключевой критерий для взвешивания выше обозначенных факторов заключается в том, можно ли допустить, чтобы юридическая презумпция перевесила биологическую и социальную реальность, а если так, то было ли это при данных обстоятельствах совместимым с обязательством государства обеспечить действенное «уважение» к частной и семейной жизни».

Право на доступ к правосудию не является абсолютным: оно допускает определенные ограничения и, в частности, временные лимиты, устанавливаемые институтом исковой давности. Однако любые ограничения этого права должны быть оправданы, иначе они несовместимы с ЕКПЧ и составляют нарушение основополагающих прав человека. В соответствии с прецедентной практикой ЕСПЧ для того, чтобы то или иное ограничение права на суд (в том числе ограничение этого права временными рамками) считалось оправданным, должны быть соблюдены следующие условия:

- 1) ограничение не должно препятствовать доступа к правосудию в той степени, что бы сводили на нет саму сущность этого права;
- 2) такое ограничение должно иметь легитимную цель;
- 3) должно быть обеспечено надлежащее пропорциональное соотношение между использованными средствами и поставленной целью [5].

В деле «Мицци против Мальты» заявитель не мог оспорить свое отцовство из-за того, что законодательство потребовало от мужа доказать наличие супружеской измены и одновременно с этим факт того, что рождение ребенка было скрыто от него (чего в случае с Мицци не было). Затем законодательство изменилось, и стало достаточным доказать или супружескую измену, или факт сокрытия рождения. Однако, тогда предъявить иск Мицци помешал шестимесячный срок исковой давности (от дня рождения ребенка), который на то время уже истек. При таких обстоятельствах ЕСПЧ пришел к выводу, что «практическая невозможность отрицания отцовства от дня рождения ребенка и до настоящего времени свела на нет саму сущность права заявителя на правосудие».

Рассматривая заявление Мицци, ЕСПЧ заметил следующее. «Статья 14 ЕКПЧ защищает лиц, которые «находятся в аналогичных ситуациях», от

дискриминационно разного отношения. Однако тот факт, что между двумя или несколькими лицами существуют определенные отличия, не мешает таким лицам находиться в принципиально схожих позициях и иметь сопоставимые интересы. ЕСПЧ считает, что в контексте их интереса по оспариванию отцовства, заявитель и другие «заинтересованные лица» находились в аналогичных ситуациях в понимании статьи 14 ЕКПЧ. На этом основании ЕСПЧ констатировал нарушение ст. 14 ЕКПЧ в сочетании со ст. ст. 6 (право на справедливое судебное разбирательство) и 8 (право на уважение частной и семейной жизни).

Противоположного заключения ЕСПЧ пришел по делу Стаббингс и другие против Соединенного Королевства, где оспаривался шестилетний срок исковой давности (исчисляемый со дня совершеннолетия) для исков о вреде, умышленно причиненном здоровью несовершеннолетнего лица. ЕСПЧ признал, что установление такого срока имело легитимную цель, – обеспечить правовую определенность и окончательность, а также защитить ответчиков от застарелых претензий. В конечном итоге ЕСПЧ сделал вывод, что «поскольку обжалуемые ограничения преследовали легитимную цель и были пропорциональными», нарушение ст. 6 ЕКПЧ не имело места [7].

Так, по делам о вреде здоровью, причиненном по неосторожности, применялся трехлетний срок исковой давности, течение которого начиналось со дня, когда истец впервые узнал о том, что такой ущерб является значительным и может быть поставлен в вину ответчику. Зато к случаям умышленного нанесения вреда здоровью, если таковой вред был причинен несовершеннолетнему потерпевшему, должен был применяться срок исковой давности в шесть лет, обсчитываемый со дня достижения совершеннолетия.

Лица, подавшие иск, в детском возрасте подверглись сексуальному насилию, которое повлекло в будущем тяжелые психические расстройства. Однако причинная связь между этим насилием и расстройствами они осознали значительно позже, лишь в зрелом возрасте, когда срок исковой давности уже истек. Поэтому они считали, что правовая позиция Палаты Лордов является дискриминационной, поскольку ставит их в худшее положение по сравнению с пострадавшими от ущерба, причиненного по неосторожности.

Относительно этого ЕСПЧ отметил, что «статья 14 устанавливает гарантии против дискриминации при установлении правового режима пользования правами и свободами, которые гарантируются другими материально-правовыми положениями ЕКПЧ. Однако различие между такими правовыми режимами не всегда составляет нарушение ст. 14. Для этого должно быть доказано, что другим лицам в относительно похожей ситуации, предоставляются преференциальные преимущества, и нет объективных и разумных оснований для такого различия. Введение различных правовых режимов исковой давности для исков относительно вреда, причиненного здоровью намеренно, и для тех, что касаются вреда, причиненного здоровью вследствие халатности, является вполне разумной мерой. Так, существование оснований для гражданского иска может быть менее очевидным для потерпевших от вреда, причиненного здоровью вследствие халатности» [8, с. 125]. В связи с этим ЕСПЧ пришел к выводу, что нарушение ст. 14 ЕКПЧ по рассматриваемому делу не имело места.

Во многих делах, которые рассматривались в ЕСПЧ, заявители оспаривали сроки исковой давности, установленные для оспаривания отцовства. В таких делах анализируется исковая давность сквозь призму положений ст. 8 ЕКПЧ. Специфика такого рода дел заключается, в частности, в том, что при определении, имело ли место соблюдение справедливого баланса интересов, необходимо взвешивать не два противоположных интереса (частный интерес индивида и общегосударственный интерес общественности), а большее количество перекрестных интересов заинтересованных сторон, которыми являются: ребенок, мать, лицо, которое де-юре считается отцом, биологический отец и его семья.

В целом ЕСПЧ, констатирует, что примененный в том или ином деле срок исковой давности действительно имеет легитимную цель. Такой целью признается обеспечение правовой определенности. Поэтому основное внимание уделяется вопросу пропорциональности, то есть вопросу о том, были ли ограничения, возложенные на заявителя из-за временного лимитирования его требования, соизмеримыми с поставленной легитимной целью. Для того, чтобы соответствующие ограничения считались соизмеримыми с поставленной целью, необходимо соблюдение, в частности, следующих условий.

1. Срок исковой давности не должен быть чрезмерно коротким. ЕСПЧ неоднократно подчеркивал, что он не может заменять собой национального законодателя и определять, какой по длительности срок является наиболее целесообразным в той или иной ситуации. В то же время ЕСПЧ всегда оценивает, не является ли установленный срок исковой давности излишне коротким. Идею уважения к суверенитету национального законодателя в этой сфере отчетливо иллюстрирует положение, высказанное ЕСПЧ по делу «Во против Франции». Так, ЕСПЧ указывает, что «в данном деле четырехлетний срок исковой давности не выдается излишне коротким, особенно учитывая серьезность ущерба, который понесла заявительница и ее немедленное желание возбудить дело против врача. Французский парламент недавно продлил этот срок до десяти лет. Однако ЕСПЧ не считает, что это новое правило может быть расценено как доказательство того, что предыдущий четырехлетний срок был слишком коротким» [9].

2. Применение исковой давности должно быть предсказуемым. Как отмечает ЕСПЧ, «принцип законности означает, что применимые положения национального права должны быть достаточно доступными, четкими и предсказуемыми в их применении. Индивид должен быть способным в случае необходимости с помощью необходимых советов – предвидеть последствия (в той мере, в какой это разумно при данных обстоятельствах), которые может повлечь определенное действие» [10, с. 113-116].

3. Механизм применения исковой давности должен быть достаточно гибким, то есть, как правило, он должен допускать возможность приостановления, прерывания и восстановления срока исковой давности, а также должен соотноситься с субъективным фактором, а именно – осведомленностью потенциального истца о факте нарушения его права. Под этим углом зрения особый интерес представляет дело 2014 года – «Ховальд Мор и другие против Швейцарии». По обстоятельствам этого дела гражданин

Швейцарии, работая механиком на заводе, в период с 1965 по 1978 годы подвергался вредному воздействию асбестовой пыли. В 2004 г. у него была диагностирована злокачественная плевральная мезотелиома, вызванная действием асбеста. В 2005 г. от отмеченного заболевания он умер.

В 2005 г. заявители – вдова и две его дочери обратились к работодателю с требованием о компенсации морального вреда. Однако им было отказано в удовлетворении требования в связи с истечением срока исковой давности: любые иски о возмещении вреда, могут быть предъявлены не позднее, чем через десять лет со дня, когда лицо осознало действие ущерба. В рассматриваемом случае прошло уже 27 лет со времени, когда в последний раз Ховальд Мор испытал влияния асбестовой пыли.

Взяв во внимание тот факт, что латентный период для болезней, вызванных асбестом, может составлять несколько деkad, ЕСПЧ отметил, что десятилетний срок, исчисляемый от времени, когда лицо испытало действия асбестовой пыли, - всегда непременно будет всплывать. Соответственно, любые иски о возмещении вреда будут с самого начала обречены на провал, поскольку они будут погашаться давнишним сроком еще до того, как пострадавшие будут иметь объективную возможность узнать о нарушении своих прав. ЕСПЧ пришел к выводу, что в таких случаях лицо не могло знать о том, что страдает от определенного заболевания, – этот факт следует принимать во внимание при определении срока исковой давности. Учитывая указанное, ЕСПЧ констатировал нарушение ст. 6 ЕКПЧ [11].

Еще одним элементом права на справедливое судебное разбирательство является принцип равноправия сторон. Так, в соответствие с этим принципом каждой стороне должна быть предоставлена разумная возможность подать обоснование своей позиции при условиях, которые бы не ставили эту сторону в невыгодное положение по отношению к оппоненту. Этот принцип требует, прежде всего, равенства сторон спора в их процессуальных возможностях по представлению доказательств и объяснений в судебном производстве.

Однако совершенно очевидно, что прежде чем подавать доказательства и объяснения в суд, необходимо иметь возможность инициировать возбуждение судебного производства. В связи с этим ЕСПЧ признает принцип равноправия сторон не соблюденным, в частности, и в тех случаях, когда к противоположным сторонам спора применяются необоснованно разные сроки исковой давности.

Примером в таком случае будет являться дело «Дачия с. р. л. против Молдавии».

В 1999 г. компания-заявитель, победив в аукционе на приватизацию государственного имущества, приобрела в собственность отель «Дачия». В 2003 г. Генеральная прокуратура в интересах Молдавии обратилась в суд с требованием о признании приватизации отеля недействительной. Национальный суд Молдавии удовлетворил иск. Обращаясь в ЕСПЧ, компания-заявитель, среди прочего, ссылаясь на нарушение государством ст. 6 ЕКПЧ. В обоснование своей позиции заявитель указывал, что Генеральная прокуратура подала иск с нарушением общего срока исковой давности (3 года). Это стало возможным благодаря действующему на то время Гражданскому Кодексу Молдавии, согласно которому исковая давность не распространялась на иски

государственных организаций о возврате государственного имущества, которое находится в незаконном владении других организаций или граждан.

По этому поводу ЕСПЧ отметил, что «в этом деле не было представлено никаких аргументов в обоснование того, почему государственные организации в случаях, когда они хотят вернуть государственное имущество в судебном порядке, должны быть освобождены от обязанности соблюдать установленные сроки давности, которые бы помешали рассмотрению исков, совершаемых частными лицами или компаниями. Это может приводить к разрушению многих правоотношений, основанных на существующем положении вещей, и предоставляет дискриминационное преимущество государству без какого-либо убедительного основания.

Более того, ЕСПЧ считает, что изменения правоотношений, которые стали окончательными вследствие истечения исковой давности или которые – как в представленном деле – должны были бы стать окончательными, если бы срок исковой давности был применен без дискриминации в пользу государства, является несовместимым с принципом правовой определенности». На этом основании ЕСПЧ пришел к выводу о том, что положение Гражданского Кодекса Молдавии о неприменении исковой давности к государству противоречит ст. 6 ЕКПЧ [12].

В большинстве национальных правопорядков истекший срок исковой давности означает утрату не самого субъективного права, а утрату возможности судебной защиты этого права. Тем не менее, «иметь право, не обеспеченное судебной защитой» и «не иметь права» – два положения в практическом смысле довольно схожие между собой. Поэтому в случае, если лицо вследствие истечения исковой давности потеряло возможность судебной защиты имущественного права – эта ситуация может рассматриваться в контексте ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ. В соответствии с указанной статьей «каждое физическое или юридическое лицо имеет право мирно владеть своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом или общими принципами международного права» [13, с. 205-214].

Связь между исковой давностью и правом на имущество особенно отчетливо проявляется в случаях, когда речь идет о праве требования. Яркий пример – дело Золотас против Греции. В 1974 г. заявитель открыл банковский счет в Генеральном банке Греции. В период с 1981 г. по 2003 г. заявитель не совершал никаких операций по этому счету. В 2003 г., когда он обратился к Банку с просьбой проинформировать его о состоянии счета, Банк ответил, что, поскольку никаких операций по счету не проводилось, лицо вследствие истечения двадцатилетнего срока исковой давности утратило право требовать возврата внесенных средств.

ЕСПЧ по этому поводу отметил, что «такая суровая мера как ограничение в отношении банковского счета, на том основании, что по счету на протяжении определенного времени не совершались транзакции, в сочетании с судебной практикой, согласно которой начисление банком процентов на внесенную сумму не считается транзакцией, – может поставить владельцев счетов, особенно когда это обычные граждане, несведущие в гражданском или банковском праве, в

невыгодное положение по сравнению с банками. По мнению ЕСПЧ, государство должно защищать граждан и требовать, чтобы банки, учитывая потенциально негативные последствия давних сроков, сообщали собственникам счетов, по которым не проводятся транзакции, о том, что срок давности скоро истечет, и в такой способ позволяли им прервать течение срока давности, в частности, путем совершения транзакции. Не требовать такого информирования – означало бы нарушить справедливый баланс между общими интересами общественности и необходимостью защиты фундаментальных прав человека». На этом основании ЕСПЧ признал нарушение ст. 1 Протокола № 1 [14].

Выводы. Таким образом, исковая давность – это временное ограничение права на доступ к судебному разбирательству. Тот факт, что право на доступ к правосудию ограничено во времени, сам по себе не является нарушением основополагающих прав человека. Временные границы действия права на судебную защиту являются несовместимыми с положениями ЕКПЧ только в случае, когда такие границы не являются разумно оправданными с точки зрения критериев, выработанных в прецедентной практике ЕСПЧ. Чаще всего ЕСПЧ соотносит применение исковой давности с положениями ст. 6 ЕКПЧ «Право на справедливое судебное разбирательство». Вместе с тем исковая давность в делах оценивается ЕСПЧ на предмет соответствия ст. 14 ЕКПЧ «Запрещение дискриминации», ст. 8 ЕКПЧ «Право на уважение частной и семейной жизни», ст. 1 Протокола № 1 «Защита собственности».

Список использованной литературы:

1. Кожухарь А.Н. Право на судебную защиту в исковом производстве: учебное пособие / А.Н. Кожухарь. – К.: Атика, 2009. – 216 с.
2. Шелковая О.В. Сроки как категории гражданского права / О.В. Шелковая // Проблемы законности. – 2005. – № 74. – С. 171-176.
3. Европейская Конвенция по правам человека (Полная версия). г. Рим, 4.XI., 1950 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 29.09.2021)
4. Финикариду против Кипра: Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 декабря 2007 г. (жалоба № 23890/02) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/5693035/> (дата обращения: 29.09.2021)
5. Цувина Т.А. Право на суд в гражданском судопроизводстве / Т.А. Цувина // Форум права. – 2012. – № 4. – С. 990-999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/UJRN/FP_index (дата обращения: 29.09.2021)
6. Мицци против Мальты: Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 января 2006 г. (жалоба № 26111/02) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/5848123/> (дата обращения: 29.09.2021)
7. Стаббингс и другие против Соединенного Королевства: Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 октября 1996 года (жалобы № 22083/93, 22095/93) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/stabbings-i-drugie>

-protiv-soedinennogo-korolevstva-stubbings-and-others-v-the-united-kingdom-postanovlenie-evropejskogo-suda/ (дата обращения: 29.09.2021)

8. Цувина Т.А. Международные стандарты права на справедливое судебное разбирательство и национальная практика гражданского судопроизводства / Т.А. Цувина // Гражданское судопроизводство Украины. – Харьков: Право, 2016. – С. 125-158.

9. Во против Франции: Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 июля 2004 г. (жалоба № 53924/00) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/55021978/> (дата обращения: 29.09.2021)

10. Шелковая О.В. Границы действия исковой давности как проявление диспозитивных основ гражданско-правового регулирования / О.В. Шелковая // Предпринимательство, хозяйство и право. – 2006. – № 8 – С. 113-116.

11. Ховальд Мор и другие против Швейцарии: Постановление Европейского Суда по правам человека от 11 марта 2014 г. (жалоба № 52067/10 и 41072/11) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70653474/> (дата обращения: 29.09.2021)

12. Дачия с. р. л. против Молдавии: Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 февраля 2009 г. (жалоба № 3052/04) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12168972/> (дата обращения: 29.09.2021)

13. Карнаух Б.П. Понятие имущества в контексте статьи 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод / Б. П. Карнаух // Проблемы законности. – 2016. – Вып. 132. – С. 205-214.

14. Золота с против Греции: Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 января 2013 г. (жалоба № 66610/09) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://banklaw.ru/fas2/B14C177C8FF9550544257BBF001BB828.html> (дата обращения: 29.09.2021)

УДК 341

**РАССМОТРЕНИЕ ПОРЯДКА ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН
В ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

*Голомах Римма Викторовна,
Донбасская аграрная
академия, г. Макеевка*

E-mail: qolomach@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается порядок обращения граждан в Европейский Суд по правам человека. Граждане, нуждаясь в защите своих законных прав и свобод, имеют конституционное право на обращение в судебные органы за защитой. Донецкая Народная Республика является непризнанным государством на международной арене, в связи с чем, актуально рассмотреть практику данного вопроса других государств, а именно - Российской Федерации и других стран СНГ.

Abstract. The article discusses the procedure for citizens to apply to the European Court of Human Rights. Citizens in need of protection of their legitimate rights and freedoms have the constitutional right to appeal to the judicial authorities for protection. The Donetsk People's Republic is an unrecognized state in the international arena; therefore, it is relevant to consider the practice of this issue in other states, namely, the Russian Federation and other CIS countries.

Ключевые слова: право, граждане, Конституция, Европейский суд по правам человека, суд, обращение, судебная практика.

Key words: law, citizens, Constitution, European Court of Human Rights, court, appeal, judicial practice.

Европейский Суд по правам человека имеет достаточно большой опыт рассмотрения обращений граждан. Какая бы не была система права в государстве, наличие жалоб неизбежно, так как в любой стране систематически нарушаются права и свободы человека и гражданина. К примеру, ежегодно из Великобритании поступает в Европейский Суд по правам человека (далее – Суд) больше тысячи обращений.

Права и свободы человека и гражданина имеют наивысшую ценность в государстве, вследствие чего гражданам должно предоставляться значительное количество возможностей, по вопросам защиты и восстановления своих нарушенных прав и свобод. В качестве одной из таких возможностей принято считать обращение в Европейский суд по правам человека. Европейская комиссия по правам человека может получать заявления от любого лица, организации или группы лиц, утверждающих себя в качестве жертвы. Обращаясь с жалобой в Европейский суд по правам человека, граждане сталкиваются с различными трудностями. Такие трудности возникают при процедуре подачи жалобы, а также ее рассмотрения.

После того как Россия ратифицировала Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, вступившую в законную силу 3 сентября 1953 года, из России начали активно поступать жалобы в Суд. Это говорит не только о характере нарушений прав и свобод граждан, но и о том, что законодательство России имеет пробелы и несоответствия стандартам Европы.

Необходимо отметить, что Суд рассматривает жалобы между государствами и дела индивидуального характера, что предусмотрено Конвенцией по правам человека. В нашем случае актуально рассмотреть непосредственно индивидуальные жалобы, так как основную массу обращений занимают именно они [1].

Значительный рост индивидуальных жалоб в Суд является одной из существующих тенденций, отражающих развитие международного права, и взаимодействие его с внутригосударственным правом многих стран.

Индивидуальную жалобу можно рассматривать как право каждого из нас, на обращение в Суд, в случае нарушения государственной власти прав и свобод человека, которые гарантированы Конвенцией по правам человека.

Статья 34 Конвенции предусматривает то, что Суд имеет право рассматривать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц [1].

Физическое лицо, подающее жалобу в Суд нарушение, касающееся непосредственно его. Другими словами выступать в качестве «жертвы» нарушения предписаний Конвенции. Индивидуальная жалоба содержит признаки личностного характера, который проявляется в невозможности выступать защитником прав других лиц.

В качестве ответчика по индивидуальной жалобе может выступать конкретное государство-участник Конвенции, действия либо бездействия которого привели к нарушению прав и законных интересов.

Когда Суд рассматривает жалобу о нарушении прав и свобод, гарантированных Конвенцией, он не может применять нормы внутреннего права государства, которые играют важную роль в деле. Рассмотрение дела по соответствующей жалобе приобретает характер оценки таких норм. Но необходимо отметить, что Суд не имеет право отменять правовые нормы и нормативные акты законодательства страны. Суд также не имеет право отменять приговор или решения, которые было вынесено национальным судом [2, с. 74].

Это говорит о том, что в практике Суда основой является непосредственно Конвенция по правам человека. Жалоба будет считаться неприемлемой и не будет рассмотрена Судом, если были исчерпаны все внутренние правовые средства защиты своих законных прав и свобод. Это говорит о том, что защита прав и свобод, предусмотренных в Конвенции, это задача непосредственно государств. Таким образом, Европейский Суд по правам человека рассматривает споры, которые не удалось решить на национальном уровне, в связи, с чем Конституция государства предоставляет право на обращение в Европейский Суд по правам человека [3].

Придерживаясь позиции А. Р. Султанова, утверждающего, что нарушения Конвенции могут быть разнообразны, но установление факта нарушения ее Россией отражает, что судебная система России не имеет достаточной

способности оказать защиту, гарантируемую Конвенцией. Так, законодатель должен предусматривать такие процессуальные последствия постановлений ЕСПЧ, которые в полной мере обеспечивали бы восстановление нарушенных прав, – полное исполнение постановлений ЕСПЧ [2, с. 83].

В своей практике Европейский Суд по правам человека выделил критерии, которыми руководствуется при рассмотрении жалоб, когда были исчерпаны внутригосударственные правовые средства защиты прав и свобод граждан:

- 1) правила применяются для всей системы по защите прав человека, которые установлены государством;
- 2) правовая защита должна выступать надежным методом в теории и практике;
- 3) заявитель не имеет обязанности применять другие средства защиты, которые не подтверждают свою эффективность;
- 4) важно применять не только правовые средства, но и общий правовой, а также политический контекст [4];

Если рассматривать судебную систему России, то Суд считает дело приемлемым для рассмотрения, если оно прошло две инстанции в районном суде, областном или Верховном. Перед тем как обращаться в Суд заявитель должен учитывать следующее:

- 1) жалобы рассматриваются от любого лица, чьи права были нарушены, что предусмотрено ст. 34 Конвенции;
- 2) могут быть рассмотрены жалобы только против того государства, которое ратифицировало Конвенцию по правам человека;
- 3) могут быть рассмотрены только те жалобы, в которых нарушены права и свободы, предусмотренные Конвенцией по правам человека [5].

Отметим, что Суд не будет рассматривать жалобы, которые являются анонимными; уже рассмотренные жалобы ранее, по которым было принято решение; имеют необоснованность; содержат злоупотребление подачи жалобы; жалобы против частных лиц [6]. Для подачи жалобы необходимо четко руководствоваться положениями Конвенции по правам человека.

Рассматривая статистические данные, отметим, что по количеству дел Россия стоит на пятом месте после Польши, Италии, Франции и Германии, а по зарегистрированным жалобам – на втором месте после Италии. Это говорит о том, что граждане России имеют высокий уровень информированности по поводу деятельности Европейского Суда по правам человека, а также процедуры судебного процесса [7].

Таким образом, отметим, что к большинству жалоб относятся исковые требования по вопросу несоблюдения разумных процессуальных сроков, нарушения сроков выплаты пенсионных выплат, заработной платы, и других выплат.

Несмотря на то, что граждане имеют конституционную защиту своих прав и свобод, внутригосударственный механизм не всегда работает и имеет достаточный правоприменительный уровень. Так, возникает необходимость в защите своих прав и свобод на международном уровне. Для того чтобы сократить поток индивидуальных жалоб в Европейский Суд по правам человека, необходим эффективный внутригосударственный механизм защиты прав и свобод человека, а также система гарантий реализации принимаемых законов.

Список использованной литературы:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод, заключена в г. Риме 04.11.1950 г., с изм. от 13.05.2004 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 29.09.2021)
2. Султанов А.Р. Правовые последствия постановлений Европейского суда по правам человека / А.Р. Султанов // Журнал российского права. – 2011. – № 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sutyajnik.ru/documents/4130.pdf (дата обращения: 29.09.2021)
3. Конституция Российской Федерации: от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 29.09.2021)
4. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: федер. закон от 30.03.1998 г. № 54-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18263/ (дата обращения: 29.09.2021)
5. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12132854/> (дата обращения: 29.09.2021)
6. Решение Конституционного Суда в случае противоречия с международными судами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20131106/974912572.html> (дата обращения: 29.09.2021)
7. Статистические данные обращений ЕСПЧ за 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rpspress.ru/catalog/Statistics_2020.pdf?utm_campaign=StatistikaES2020&utm_medium=social&utm_source=site&utm_content=&utm_term=2022021 (дата обращения: 29.09.2021)

УДК 341

ГЛОБАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ БЛАГА: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ В ЭКОНОМИКЕ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Еськова Виктория Александровна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

E-mail: viktoriaesкова2000@mail.ru

Аннотация. Несмотря на то, что основная концепция общественных благ рассматривалась еще такими мыслителями, как Дэвид Хьюмом и Адамом Смитом, она впервые была описана с экономической точки зрения Полом Самуэльсоном в 1950-х годах и была применена к политической науке Манкуром Олсоном лишь в 1965 году в его фундаментальном труде «Логика коллективных действий». В данном исследовании обратим внимание на глобальные общественные блага с точки зрения правового анализа, найдем причины и значимость общественных благ как ключевых единиц в международно-правовом аспекте.

Abstract. Despite the fact that the basic concept of public goods was considered by thinkers such as David Hume and Adam Smith, it was first described from an economic point of view by Paul Samuelson in the 1950s and was applied to political science by Mankur Olson in 1965 in his fundamental work "The Logic of Collective Action". In this study, we will pay attention to public goods from the point of view of legal analysis. In this study, we will pay attention to global public goods from the point of view of legal analysis, find the causes and significance of public goods as key units in the international legal aspect.

Ключевые слова: общественные блага, неисключаемость и неконкурентность, международное право, экономические теории.

Key words: public goods, non-exclusivity and non-competitiveness, international law, economic theories.

В первую очередь стоит обозначить, что общественное благо определяется двумя характеристиками: неконкурентность и неисключаемость. Во-первых, нет соперничества между потенциальными пользователями товара: один человек может использовать его, не уменьшая его доступность для других. Во-вторых, нельзя практически исключить людей из пользования благом. Таким образом, он доступен каждому, независимо от того, участвовали ли они в его создании или нет.

Неконкурентоспособные и неисключаемые аспекты общественных благ создают множество проблем. С одной стороны, поскольку общественные блага не подлежат исключению, они, как правило, недостаточно обеспечиваются, поскольку люди могут бесплатно пользоваться усилиями других. С другой стороны, поскольку общественные блага не конкурируют друг с другом, усилия по стимулированию их производства посредством исключения неэффективны, поскольку они не позволяют людям получать выгоду от благ, потребление которых не связано с предельными издержками.

Идея общественных благ – это идеальный тип экономических благ. Немногие товары, если таковые вообще имеются, являются полностью неконкурентными и неисключаемыми. Национальная оборона иногда упоминается как общественное благо; но, если одна часть Соединенных Штатов – скажем, Аляска – не сможет внести свой вклад в национальную оборону путем уплаты налогов, федеральное правительство может решить не защищать ее от нападения. Точно так же товары, которые долгое время считались неконкурентными, такие как свежий воздух, на самом деле имеют конкурирующее качество, как показывает современное загрязнение. Товары, которые не полностью соответствуют критериям отсутствия конкуренции и неисключаемости, обычно называются «нечистыми» общественными благами. Часто используемая терминология относится к товарам, которые не являются конкурирующими, но исключаемыми (например, сигналы кабельного телевидения), как «товары общего пользования», а товары, которые не исключаются, но конкурируют (например, рыболовство в открытом море), как «искусственно дефицитные товары».

Хотя термины «глобальный» и «общественный» модифицируют «блага» во фразе «глобальные общественные блага», они относятся не к самой вещи, а к ее последствиям. Большинство товаров имеют множественные эффекты, некоторые из которых могут быть глобальными, а другие региональными или местными; некоторые публичными, а другие частными. Дипломатический иммунитет предоставляет частные выгоды государству назначения и его дипломатам, но он также может считаться глобальным общественным благом, позволяющим осуществлять международную дипломатию. Точно так же нормы прав человека приносят частную выгоду заинтересованным лицам, но они также приносят пользу международному сообществу. По крайней мере, согласно теории, лежащей в основе международно-правовых норм о правах человека.

Проекты по смягчению последствий изменения климата демонстрируют множество качеств одного товара. Ветряные фермы обеспечивают местные частные выгоды в виде электроэнергии; но они также принесут пользу обществу во всем мире, если займут место угольной электростанции, которая выбрасывала бы парниковые газы. Эти различные частные и общественные выгоды служат основой для распределения затрат на климатическое финансирование, используемое Глобальным экологическим фондом (ГЭФ) [3]. При строительстве ветряной электростанции ГЭФ требует, чтобы принимающая страна заплатила столько, сколько стоило бы строительство базовой электростанции для производства электроэнергии, и вместо этого финансирует только дополнительные («дополнительные») затраты, связанные со строительством ветряной электростанции.

Хотя международное право не признает категорию «глобальных общественных благ», несколько концепций международного права имеют с ней тесную связь. Во-первых, в деле «Барселона трэкшн» [4], Международный Суд признал, что международное право включает в себя обязательства перед международным сообществом государств в целом, а не отдельных государств. Один из способов концептуализации обязательств *erga omnes* — это понятие глобальных общественных благ: если обязательство в первую очередь относится

к предоставлению глобального общественного блага или запрещению глобального общественного зла, то обязательство защищает «коллективный» или «общий» интерес и должно быть в долгу перед международным сообществом государств в целом [5].

Во-вторых, международное право признает, что определенные ресурсы являются частью «общего наследия человечества» или вызывают «общую озабоченность». Районы за пределами национальной юрисдикции, такие как глубоководные участки морского дна [6] и Луна [7], относятся к первой категории, а защита климата [8] и биологическое разнообразие [9] - ко второй. Из этих двух понятий «общая озабоченность» кажется более тесно связанной с глобальными общественными благами, чем «общее наследие». Изменение климата и биоразнообразие вызывают общую озабоченность, поскольку они обеспечивают неисключаемые и не конкурирующие выгоды. Глубоководное морское дно, напротив, охарактеризовано как часть общего наследия человечества, чтобы гарантировать справедливое распределение частных выгод от ресурсов.

Концепция общественных благ впервые была применена к международным отношениям в начале 1970-х годов [10], но концепция глобальных общественных благ приобрела видную роль в международной политике только в течение последнего десятилетия, прежде всего в результате предпринимательской деятельности Программы развития Организации Объединенных Наций (UNDP), которая подняла вопрос глобальных общественных благ в трех книгах, опубликованных в 1999 [11], 2002 [12], и 2006 [13], годах. Примерно одновременно с этим по инициативе Франции и Швеции была создана Международная целевая группа по глобальным общественным благам под сопредседательством бывшего президента Мексики Эрнесто Седильо, который опубликовал свой доклад в 2006 году. Благодаря этим и другим действиям концепция GPG стала настолько заметной в дискурсе международного развития, что один обозреватель назвал ее «модным словом» последнего десятилетия.

Почему концепция глобальных общественных благ стала такой привлекательной для сторонников глобального управления? Основная причина кажется очевидной. Подобно тому, как государство необходимо для обеспечения общественных благ на оптимальном уровне на национальном уровне, необходимо международное управление для обеспечения оптимального уровня глобальных общественных благ. Таким образом, для международных организаций глобальные общественные блага являются ответом на растущие в 1990-е годы вопросы об их легитимности [14].

Этот аргумент в пользу легитимирующей роли глобальных общественных благ сводит на нет двойное значение «блага» в термине «глобальное общественное благо». В экономике общественное благо может быть нормативно хорошим или плохим. Ссылаясь на что-либо как на общественное благо, экономисты имеют в виду только то, что оно является неконкурирующим и неисключаемым. Напротив, в аргументе относительно легитимности предполагается, что термин «хорошо» передает нормативную оценку. «Глобальные общественные блага» противопоставляются «глобальному

общественному злу», а не рассматриваются как охватывающие их. Вот почему глобальные общественные блага помогают обеспечить легитимность международных институтов: потому что они желательны с нормативной точки зрения. По той же причине термин «глобальные общественные блага» подвергся инфляции. Переосмысление проблемы с точки зрения «глобальных общественных благ» придает ей более высокий статус и, таким образом, выполняет полезную риторическую функцию.

Эта линия рассуждений не затрагивает то, что люди могут расходиться во мнениях относительно того, является ли глобальное общественное благо хорошим или плохим, или о том, какое из нескольких глобальных общественных благ производить при ограниченных ресурсах, или о том, кто должен за него платить. В таких случаях нам нужна система управления, чтобы принимать решения о том, какие глобальные общественные блага производить, в каких количествах и кем они будут оплачиваться. А это, в свою очередь, требует некоторой теории о том, что повлечет за собой законный процесс принятия решений.

Почему люди могут не согласиться с полезностью глобального общественного блага? Во-первых, глобальные общественные блага могут иметь различное влияние. Рассмотрим, например, смягчение последствий изменения климата, которое многие сочли бы наиболее важным глобальным общественным благом. Замедление глобального потепления, безусловно, пойдет на пользу малым островным государствам, которым грозит затопление из-за повышения уровня моря. Но это будет дорого стоить государствам, которые выиграют от глобального потепления – например, потому что оно обеспечит более длительный вегетационный период – или которые зависят от экспорта нефти в качестве национального дохода. Или рассмотрим другой парадигматический пример общественного блага – маяк. Свет от маяка приносит пользу проходящим мимо кораблям, но для тех, кто живет в непосредственной близости от маяка, это может показаться бельмом на глазу. Это определенно была реакция некоторых защитников окружающей среды на строительство ветряных турбин (современный эквивалент маяков) у Кейп-Код. Даже нормы координации, которые, по общему мнению, обеспечивают общественное благо, имеют распределительные последствия, поэтому у разных участников будут разные предпочтения в отношении того, какую норму выбрать.

Во-вторых, у людей могут быть разные вкусы и ценности. Кому-то может понравиться внешний вид ветряных турбин, кому-то нет. Некоторым нравятся красные закаты, которые, вероятно, возникают в результате попадания в атмосферу аэрозолей серы, отражающих солнечный свет и замедляющих глобальное потепление, в то время как другие могут ненавидеть их как «неестественные».

В-третьих, может существовать неопределенность в отношении воздействия мнимого глобального общественного блага. Все согласятся, что гигантский астероид, разнесший землю в порошок, будет глобальным общественным злом. Но будет ли запуск ракеты по отражению астероида обязательно глобальным общественным благом? Ответ был бы положительным, если бы мы знали наверняка, что в противном случае астероид упал бы на

Землю. Но что, если столкновение с астероидом и эффективность ракеты вызывают сомнения, и что, если существует также риск того, что ракета выйдет из строя и нанесет ущерб? Большинство людей считает вакцинацию производящей общественное благо, но они также повышают риск угрозы здоровью в других аспектах, против чего некоторые люди могут возражать.

Конечный результат состоит в том, что люди могут расходиться во мнениях относительно того, является ли что-то глобальным общественным благом или глобальным общественным злом, и, следовательно, должно ли международное право способствовать этому или запрещать это? Климатическая инженерия является хорошей иллюстрацией. Некоторые утверждали, что это будет благотворно и даже может иметь положительные последствия, помимо замедления изменения климата. Другие считают это не только опасным, но и аморальным.

Даже если все согласны с тем, что глобальное общественное благо действительно является благом, это не решит проблемы управления, поскольку нам все равно придется решать, учитывая ограниченные ресурсы, какую часть общественного блага предоставлять. Ответ зависит от его выгод и затрат по сравнению с другими общественными и частными благами, которые мы могли бы предоставить. С экономической точки зрения оптимальный уровень производства общественного блага - это уровень, на котором предельная выгода от блага (рассчитанная для всех участников, которые пользуются им) равна его предельным издержкам (включая альтернативные издержки производства общественного блага). а не что-то другое).

Большинство обсуждений общественных благ предполагает, что общее предложение общественных благ зависит от совокупных усилий всех вовлеченных субъектов. Например, смягчение последствий изменения климата является функцией общего уровня сокращения выбросов парниковых газов, достигнутого всеми странами мира. Хотя отдельные страны могут способствовать достижению цели ограничения изменения климата, степень решения проблемы зависит от общих усилий мирового сообщества.

Как хорошо известно, общественные блага совокупных усилий порождают проблемы коллективных действий, которые очень трудно решить. Глобальная выгода от общественного блага может быть выше, чем глобальные затраты на его производство. Но с точки зрения каждой отдельной страны, страна может не получить достаточной индивидуальной выгоды от предоставления общественного блага, чтобы оправдать затраты. В такой ситуации вклад в производство общественного блага имеет смысл только в том случае, если он основан на взаимных действиях других, так что, предпринимая действия, каждое государство получает выгоду не только от общественных благ, которые оно предоставляет, но и от общественных благ, которые другие государства предоставляют взамен.

Снова рассмотрим проблему изменения климата. Поскольку смягчение последствий изменения климата зависит от совокупного уровня глобальных сокращений выбросов, сокращение выбросов отдельным государством имеет смысл с точки зрения затрат и выгод только в том случае, если они являются частью международного договора, который требует сокращения выбросов

странами-основными источниками выбросов. Это было обоснованием Резолюции Берда – Хейгеля [15], принятой Сенатом США непосредственно перед завершением переговоров по Киотскому протоколу, в которой Сенат единогласно заявил, что он не примет никаких соглашений об изменении климата, требующих от США сокращения своих выбросов, но не в развивающихся странах.

С учетом всего сказанного, международное право лишь время от времени добивалось успеха в решении вопросов, связанных с общественными благами совокупных усилий. С одной стороны, международное право не обладает сильными правоприменительными полномочиями, как это часто подчеркивается. С другой стороны, он по-прежнему имеет лишь ограниченную легитимность в глазах как государства, так и общественности. В тех случаях, когда у могущественного государства, такого как США, есть сильная индивидуальная заинтересованность в обеспечении совокупного общественного блага, оно может способствовать созданию для этого режима сотрудничества, такого как система Монреальского протокола. Но это был исключительный случай. Если бы каждое глобальное общественное благо зависело от совокупных усилий, мы бы столкнулись с хронической проблемой дефицита предложения.

Подводя итог, отметим, что хотя терминология глобальных общественных благ может быть новой для ученых в области международного права, основные особенности и значения глобальных общественных благ известны. Глобальные общественные блага – это большие внешние эффекты. Они создают стимулы для бесплатного проезда. И во многих случаях они требуют международного управления.

Но хотя анализ международного права через призму глобальных общественных благ не может пролить совершенно новый свет на эту тему, он позволяет нам по-разному взглянуть на знакомые явления. Односторонние действия, например, могут быть мотивированы стремлением к индивидуальной выгоде, но они также могут обеспечить глобальные общественные блага в процессе, либо путем принуждения к самому слабому звену, либо путем предоставления единственного максимального усилия. Международное управление необходимо не просто для того, чтобы способствовать обеспечению глобальных общественных благ, которые в противном случае не хватало бы, но и для защиты от корыстного поведения государств, которые, обеспечивая глобальное общественное благо, не обращают внимания на негативные внешние эффекты, которые могут возникнуть в результате.

Список использованной литературы:

1. Streck, «The Global Environment Facility – A Role Model for International Governance?» // *Global Environmental Politics* (2001).
2. Дело о компании «Барселона Трэкшн, Лайт энд Пауэр Лимитед» (вторая стадия): Решение Международного Суда ООН от 05 февраля 1970 г. // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1948-1991. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1993. – С. 96, 97.

3. Комиссия международного права, Комментарий к проекту статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния // Организация Объединенных Наций, 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/58/10\(supp\)](https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/58/10(supp)) (дата обращения: 26.03.2021)
4. Декларация принципов, регулирующих дно морей и океанов, а также его недра, за пределами национальной юрисдикции // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/seabed_principles.shtml (дата обращения: 26.03.2021)
5. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 5 декабря 1979 г., ст. 11 // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml (дата обращения: 26.03.2021)
6. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата // Организация Объединенных Наций. 2003. 9 мая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 26.03.2021)
7. Конвенция о биологическом разнообразии, 5 июня 1992 г., преамбула, пп. 3 // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 26.03.2021)
8. «Оксфордский учебник по международному экологическому праву» (“Oxford Handbook of International Environmental Law”, Oxford University Press, 2007)
9. I. Kaul, I. Grunberg, and M. Stern (eds), Global Public Goods: International Cooperation in the 21st Century (1999)
10. I. Kaul, I. Grunberg, and M. Stern (eds), Global Public Goods: International Cooperation in the 21st Century (1999)
11. I. Kaul and P. Conceição (eds), The New Public Finance: Responding to Global Challenges (2006)
12. Дэниел К. ЭСТИ, «Хорошее управление в наднациональном масштабе: глобализация административного права», 115 Yale Law Journal 1490 (2006).
13. Бухгольц Вольфганг, Петерс Вольфганг. Подход Роулса к международному сотрудничеству // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2008. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhod-roulsa-k-mezhdunarodnomu-sotrudnichestvu> (дата обращения: 03.04.2021)

ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ

Международный научный журнал

Выпуск № 10 / 2021

Подписано в печать 15.10.2021

Рабочая группа по выпуску журнала

Ответственный редактор:

Морозова И.С.

Редактор: Гараничева О.Е.

Верстка: Мищенко П.А.

Издано при поддержке

ГОУ ВПО «Донбасская
аграрная академия»

ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»
приглашает к сотрудничеству студентов, магистрантов,
аспирантов, докторантов, а также других лиц,
занимающихся научными исследованиями,
опубликовать рукописи в электронном журнале
«Правовая позиция».

Контакты:

Е-mail: donagra@yandex.ua

Сайт: <http://donagra.ru>

